

Его личный
УРАГАН

Витта Линберг

18+

Витта Линберг

Его личный ураган

«Автор»

2026

Линберг В.

Его личный ураган / В. Линберг — «Автор», 2026

Я — успешный московский дизайнер, и вся моя жизнь была выстроена по законам высокой моды и глянцевого успеха. Но один сорванный контракт вынудил меня бежать в Санкт-Петербург, где меня ждал ошеломительный крах всех моих амбиций. Мой новый объект закрыли со скандалом, а виной тому — ОН.Максим Шатров. Суровый, ворчливый капитан пожарной инспекции, у которого вместо сердца — устав, а вместо эмоций — жесткий педантизм. Он привык контролировать каждый миллиметр в своем районе и на дух не переносит столичный глянец. Теперь мой буйный нрав и его идеальный порядок вынуждены сосуществовать на одной территории. Наша война официально выходит на новый уровень, и этот суровый инспектор еще не знает, что его идеальная вселенная обречена на полную капитуляцию.

© Линберг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Угроза нулевого уровня (От лица Макса)	5
Глава 2	7
Глава 3. Стерильное утро (От лица Лики)	9
Глава 4	11
Глава 5. Внеплановый штурм и архитектурный хаос (От лица Макса)	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9. Зона особого внимания (Макс)	22
Глава 10	25
Глава	27
Глава 12	29
Глава 13. Ведомственный чай (Лица)	31
Глава 14	34
Глава 15. Инспекция личного пространства (Лица)	36
Глава 16	38
Глава 17. Соперник (Макс)	40
Глава 18 Макс	42
Глава 19. Земляничный саботаж (Лица)	45
Глава 20	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Его личный ураган

Глава 1. Угроза нулевого уровня (От лица Макса)

В моем ведомственном регламенте эта чрезвычайная ситуация классифицировалась как угроза нулевого уровня. То есть — полная, абсолютная, стихийная и не поддающаяся никакой логике катастрофа, ликвидировать последствия которой придется долго и с применением тяжелой техники.

Я стоял посреди огромного, залитого торжественным светом хрустальных люстр банкетного зала ресторана на Крестовском острове и молча, с хирургическим, ледяным хладнокровием профессионального инспектора пожарнадзора наблюдал, как по безупречному серому сукну моего нового, сшитого на заказ пиджака лениво скатывается липкая, шипящая пена дорогого французского шампанского. Одна крупная, сияющая капля сорвалась с лацкана и с тихим, издевательским стуком опустилась прямо на мысок моей начищенной до зеркального блеска туфли.

В воздухе вокруг меня мгновенно воцарился удушающий, приторно-сладкий шлейф алкоголя и... дикой земляники. Парфюм у виновницы ЧП был под стать ей самой — въедливый, яркий и заполняющий всё доступное пространство за одну секунду.

Я медленно, чувствуя, как желваки на щеках сжимаются до хруста костей, поднял взгляд. Передо мной, балансируя на одной ноге и раскинув руки в стороны, как подстреленный породистый воробей, застыло гражданское лицо.

Лицо было молодым — от силы года двадцать два. Копна диких, непослушных темно-каштановых кудряшек стояла объемным взрывом вокруг её головы, напрочь игнорируя шпильки и лак для волос. Карие глаза, огромные, круглые от мимолетного испуга и вспыхнувшего в них упрямства, смотрели на меня в упор. Короткое, вызывая красное шелковое платье сидело на её стройной фигуре как прямое и наглое нарушение всех мыслимых правил общественного порядка, СНиПов и приличия. В правой руке она по-прежнему судорожно сжимала пустую хрустальную ножку от бокала, с которой на дорогой паркет капали последние капли моей личной должностной катастрофы.

Лица Леонова. Младшая сестра Влады — той самой кондитерши, которая сегодня умудрилась выйти замуж за моего лучшего друга и по совместительству начальника караула МЧС Глеба Громова. Сама Влада была девушкой бойкой, но её младшая сестрица, судя по первым пяти минутам знакомства, прилетела из своей Москвы с единственной целью — объявить войну всей Службе безопасности округа и мне лично.

В банкетном зале вокруг нас воцарилась звенящая, удушающая тишина. Музыка оркестра, казалось, притихла сама собой, а нарядные гости за столами замерли, боясь звякнуть вилками. Глеб Громов, удерживая свою новоиспеченную жену за талию у стального подиума, где они только что закрепили свадебный торт альпинистскими тросами, даже не скрывал своей ленивой, убийственной мужской усмешки. Майор откровенно наслаждался моментом, прекрасно понимая, что его педантичный, застегнутый на все пуговицы начальник СБ только что получил прямой и сокрушительный удар по своей хвальной ведомственной дисциплине.

— Гражданка, — я сделал глубокий, контролируемый вдох, пытаясь удержать голос в рамках сухого, вибрирующего баса, хотя внутри меня уже со свистом вылетали все предохранители системы безопасности. Я сделал к ней один короткий шаг, буквально нависая над девчонкой своим широким корпусом. — Нарушение правил поведения в общественном месте. Порча личного имущества сотрудников ведомства при исполнении праздничного долга. И тотальное, абсолютное отсутствие датчиков сближения с окружающими объектами. Вы вообще способны

передвигаться по этой планете без создания чрезвычайных ситуаций и привлечения пожарных расчетов?

Я ожидал чего угодно. По канонам моей службы, гражданские лица при столкновении с суровым мужчиной в форме обычно пугались. Они начинали лебезить, извиняться, судорожно тереть мой пиджак своей гламурной салфеткой или, на худой конец, пускали слезу.

Но Леонова-младшая оказалась сделана совершенно из другого, куда более взрывоопасного и непокорного теста. Насколько я знал из редких рассказов Глеба, эта девчонка работала дизайнером интерьеров в Москве. А дизайнеры — это люди, которые в принципе не признают чужих границ, чужого порядка и ломают стены просто ради «несущей гармонии» и творческого самовыражения. Настоящий хаос на шпильках.

Она упрямо, с явным вызовом вскинула свой кудрявый нос, мгновенно вернула себе равновесие, опустив вторую ногу на ламинат, и бесцеремонно уперла руки в свои изящные бедра. Её карие глаза сузились, а на губах появилась такая наглая, первоклассная девичья улыбка, от которой у меня в куртке рация едва не закоротила.

— А вы, товарищ сухарь в сером пиджаке, не стойте на пути у гражданских лиц, когда они тосты за здоровье любимых родственников произносят! — отбрила она, даже не подумав понизить голос. — И вообще, снимите этот пиджак, вам вредно быть таким идеальным и застегнутым на все пуговицы. От вас за версту воняет скукой, ведомственными циркулярами и уставами! Вы бы хоть раз в жизни стоп-кран сорвали для разнообразия, глядишь, и рубашка бы чище стала. Сами виноваты, выставили свои плечи посреди прохода, не обойти, не объехать!

Моя челюсть сжалась так, что зубы скрипнули на весь первый ряд гостей. Капитан Огнев за соседним столом тихонько хмыкнул в кулак, а его Марта зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться вслух. Свадьба лучшего друга стремительно превращалась в цирк, где главным клоуном пытались сделать меня.

— Разбор полетов переносится в демилитаризованную зону, Леонова, — ледяным тоном произнес я.

Я не стал разводить дискуссии перед генералами и приглашенными рестораторами. Просто протянул руку, железной, профессиональной хваткой перехватил её тонкое, хрупкое запястье чуть выше замшевого ремешка часов и жестко, не слушая её возмущенного, яростного писка, потащил за собой через весь зал в сторону служебного, темного коридора ресторана.

— Эй! Отпустите меня! Вы не имеете права! Это насилие над личностью! — шипела Лика, семена за моими размашистыми шагами на своих головокружительных шпильках, которые то и дело с визгом проскальзывали по полированному паркету. — Глеб! Влада! Скажите своему цепному псу, чтобы он убрал лапы! Я на вас в суд подам! Штраф выпишу за превышение должностных!

Глава 2

Громов из зала лишь лениво махнул рукой, закрывая за нами стеклянную дверь и возвращаясь к своему свадебному «Наполеону». Спасатели Питера умыли руки, оставляя начальника СБ один на один с ходячей бомбой замедленного действия.

Мы влетели в длинный, прохладный служебный коридор, пахнувший свежей краской, чистыми скатертями и тишиной. Я резко остановился у бетонной стены, развернул Лику к себе лицом и наконец-то разжал пальцы. На её нежной, белой коже запястья мгновенно проступил отчетливый, яркий красный след от моей ладони. Она тут же перехватила руку, прижав её к груди, и уставилась на меня с такой перевозанной, термоядерной яростью, будто собиралась прямо сейчас испепелить меня взглядом своих карих глаз.

— Ну и что вы вылупились, майор Командирский? — задыхаясь от быстрого бега и злости, выпалила она, упрямо делая шаг ко мне и едва не утыкаясь носом в мою грудь, с которой всё еще капало липкое шампанское. — Будете составлять протокол о незаконном обороте игристого на душу населения? Или сразу вызовете ОМОН с собаками и водометами? Какой ужас, облили святого человека! Да ваш пиджак — это унылая серость, я вам услугу оказала, теперь он хоть пахнет прилично! Земляникой! А не вашими скучными инструкциями!

— Я начальник Службы безопасности пожнадзора, Леонова, — я медленно, с демонстративным, пугающим хладнокровием стянул с себя испорченный серый пиджак, швырнул его на ближайший технический стул и принялся расстегивать верхние пуговицы рубашки, к которой неприятно прилипла мокрая, сладкая ткань. — И в моем секторе ответственности не принято хамить офицерам, портить ведомственную форму и устраивать клоунаду на глазах у министерской проверки. Ты прилетела из своей Москвы час назад, а хаоса от тебя уже больше, чем от крупного бытового пожара. Кто ты там? Дизайнер? Интерьеры планируешь? Вот и планируй их в границах своего блокнота, а мою форму не трогай.

— Да делайте вы что хотите со своей формой! — Лица издевательски фыркнула, со злостью скрестив руки на груди. Шелк её красного платья натянулся, очерчивая изящную фигуру. Я невольно мазнул взглядом по её силуэту, фиксируя про себя, что Леонова-младшая, при всей своей невыносимости, была чертовски, пугающе привлекательной девчонкой. — Тоже мне, трагедия! Ну постираете рубашку, полезно для вашей стерильной биографии!

Я сделал еще один шаг вперед, полностью блокируя ей любое пространство для маневра в узком коридоре и прижимая её спиной к бетонной стене. Между нашими лицами осталось от силы сантиметров десять. Я отчетливо видел, как мелко дрожат её длинные ресницы, как часто и прерывисто вздымается её грудь от адреналина и как в самой глубине её карих зрачков, вопреки всей её наглости, начинает проступать крошечный, едва заметный девичий испуг перед мужчиной, который был вдвое шире и сильнее её.

— Значит так, Леонова, — тихо, пугающе спокойно произнес я, и мой голос упал до того самого опасного, вибрирующего регистра, от которого у меня на плацу лейтенанты по струнке выстраивались. — Правила в этом городе устанавливаю я. Ты остаешься в Питере на две недели, пока твоя сестра обживает свой новый цех? Так вот. Эти две недели ты будешь ходить по струнке. Малейшее нарушение тишины, хулиганство или пренебрежение правилами безопасности в доме Глеба, где ты временно остановилась в гостевой комнате — и я лично оформлю тебе такой административный арест, что мало не покажется. Ты меня хорошо услышала, московский ураган?

Лица замерла со вдохом на полпути. Она тяжело, часто дышала, буравя меня своим яростным взглядом, а её пальцы судорожно сжались в крошечные кулаки. Напряжение между нами в этом пустом, холодном коридоре зазвенело так плотно, что, казалось, поднеси сейчас спичку — и бахнет пожар. Это была чистая, концентрированная злость, замешанная на каком-то диком,

неправильном и абсолютно нелогичном притяжении, которое мы оба почувствовали в первую же секунду нашего столкновения. Она пахла земляникой и бунтом, а я — дисциплиной и порохом.

— Я вас прекрасно услышала, товарищ сухарь, — тихо, сквозь зубы процедила она, но её подбородок по-прежнему оставался упрямо вскинут вверх, а в глазах горел огонь тотального неповиновения. — Но учтите: Лика Леонова по чужим стрункам не ходит. Ни по вашим, ни по чьим-либо еще. У меня свой дизайн этой жизни, майор. Посмотрим, кто из нас первый вызовет службу спасения.

Она резко, со злостью развернулась на своих шпильках, едва не задев меня подолом красного шелка, и размашистым, гордым шагом направилась обратно в банкетный зал, громко и победно цокая каблуками по кафелю коридора.

Я остался стоять один в полумраке, глядя ей вслед. Провел ладонью по мокрой от шампанского рубашке, встряхнул головой, пытаясь выветрить этот чертов земляничный шлейф, и на моих губах медленно, против моей воли поползла жесткая мужская усмешка.

— Ну что, Макс, — негромко произнес я в пустой коридор, поднимая со стула испорченный пиджак. — Похоже, в твоём секторе объявлена тревога максимального уровня. Посмотрим, насколько прочна твоя служба безопасности перед московскими дизайнерами. Шоу официально началось.

Глава 3. Стерильное утро (От лица Лики)

Утро воскресенья встретило меня такой звенящей, стерильной и мертвой тишиной, что на секунду мне показалось, будто я очнулась в операционной. Или в научно-исследовательской лаборатории по изучению вакуума.

Я открыла глаза, испуганно уставившись в абсолютно плоский, идеально серый потолок гостевой спальни. Никаких тебе милых трещинок, никаких лепных карнизов, которые так обожают старые московские дома, где я обычно вела свои дизайнерские проекты. Сплошной, бескомпромиссный хай-тек и минимализм, от которого у любого нормального творческого человека мгновенно начинался эстетический кризис и уныние.

— Ну и берлога у твоего майора, Влада, — прохрипела я в пустую комнату, сбрасывая с себя тяжелое одеяло.

Вчерашний свадебный вечер на Крестовском острове до сих пор гудел в моей голове набатом. Стоило мне вспомнить тот прохладный служебный коридор ресторана, как мое запястье предательски заныло. Я опустила взгляд на руку — бледный, едва заметный след от пальцев этого невыносимого сухаря в сером пиджаке уже сошел, но ментальный ожог от его ледяного стального взгляда остался на месте.

Начальник Службы безопасности пожадзора, видите ли! Макс. Имя-то какое — короткое, рубящее, как удар топора по несущей стене. Он посмел угрожать мне административным арестом за несчастный бокал шампанского! Да мой проект перепланировки трехкомнатной квартиры на Остоженке утвердили в Мосжилинспекции с первого раза, а там сидят люди пострашнее всех питерских МЧСников вместе взятых!

Я упрямо фыркнула, взъерошила свои каштановые кудряшки, которые после сна окончательно превратились в подобие взорвавшейся подушки, и выползла из кровати. Из вещей у меня с собой был весьма специфический набор: мой чемодан, слава богу, Глеб забрал из багажника еще ночью, но разбирать его сил не было. Я натянула на себя свой любимый, до безумия огромный домашний худи ярко-желтого цвета с надписью «Архитектор хаоса» и короткие трикотажные шорты. Босиком, шлепая пятками по ледяному ламинату, я направилась в сторону кухни. Мне жизненно необходим был крепкий, черный кофе. Без сахара, без молока, но с огромной порцией кофеина, чтобы вернуть к жизни мои дизайнерские радары.

По коридору тянулся слабый, едва уловимый аромат свежесваренного эспresso и... чеснока? Нет, чесноком пахло едва-едва, сквозь густой, тяжелый запах начищенной кожи и какого-то убойного мужского одеколona с нотками мокрого кедра.

Я толкнула плечом тяжелую раздвижную дверь кухни и замерла на пороге, едва не выдав вслух порцию первоклассного московского мата.

За огромным гранитным столом цвета мокрого асфальта сидели двое.

Первым был Глеб Громов — муж моей старшей сестры, двухметровый шкаф специального назначения. Он сидел в простой черной футболке, лениво листая что-то в своем планшете и прихлебывая кофе из огромной кружки. Но вторым номером этой утренней ведомственной диспозиции шел ОН.

Майор Макс. Фамилию его я так и не удосужилась запомнить, да и плевать мне было. Сегодня на нем не было того испорченного серого пиджака. Он сидел в безупречно отглаженной, кипенно-белой форменной рубашке с коротким рукавом и погонами капитана... Ой, нет, какие там у них звездочки? В общем, при полном служебном параде, за исключением куртки. Его короткие темные волосы были уложены волосок к волоску, подбородок безупречно выбрит, а на руке поблескивали тяжелые тактические часы.

И самое возмутительное: прямо перед ним на столе, аккуратно прижатый его массивной ладонью, лежал мой личный профессиональный блокнот-планшет с чертежами и эскизами

моих будущих питерских объектов! Тот самый, который я вчера в суматохе оставила в машине Глеба!

Макс педантично, с помощью тонкой металлической линейки измерял что-то прямо на моем эскизе перепланировки старинной мансарды на Васильевском острове.

— Нарушение статьи тридцать шестой Жилищного кодекса РФ, Громов, — ледяным, вибрирующим басом пророкотал Макс, даже не поднимая головы при моем появлении. — Твоя родственница здесь нарисовала объединение общедомового имущества с жилой зоной без согласия ста процентов собственников многоквартирного дома. Плюс — перенос мокрой зоны над жилой комнатой нижнего этажа. Это чистый, стопроцентный отказ в согласовании и штраф с предписанием вернуть всё в первоначальный вид. Дизайн, говоришь? Это не дизайн, это незаконное переустройство с угрозой обрушения несущих конструкций.

У меня внутри от такой вопиющей, должностной наглости мгновенно полыхнул такой пожар, перед которым померкли бы все их ведомственные инструкции!

Глава 4

— Руки убери от моих чертежей, майор Инспектор! — взвизгнула я, в три прыжка преодолевая расстояние до стола и бесцеремонно вырывая свой драгоценный планшет прямо из-под его ладони. От резкого движения мои каштановые кудри взметнулись, а желтый худи забавно перекосялся на одном плече. — Вы какое право имеете копать в моих личных документах?! Это интеллектуальная собственность! Это авторский проект! И вообще, где ваша профессиональная этика?!

— Во-первых, Леонова, я капитан, а не майор, — ровно произнес он, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди, пока его серые глаза смерили меня тяжелым взглядом. Ткань белой рубашки натянулась на его широких плечах. — Звезды на погонах считать в твоей Москве не учили?

— Для меня вы все здесь на одно лицо, майор! — огрызнулась я, намеренно проигнорировав его недовольное замечание и крепче прижимая планшет к груди. — Одно хмурое, солдафонское лицо с рацией на поясе. Так что какая разница? Руки от моих чертежей убрал, СБ округа!

Макс медленно, с демонстративным, пугающим спокойствием поднял на меня свои серые, стальные глаза. Он аккуратно положил металлическую линейку на стол, строго параллельно краю кружки с кофе, и окинул мой взъерошенный, желтый силуэт таким оценивающим взглядом, от которого по моей голой спине снова пронесся табун горячих искр.

— Доброе утро, Леонова, — ровно произнес он, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди. Ткань белой рубашки натянулась на его широких плечах, открывая вид на рельефные предплечья. — Твой блокнот лежал на заднем сиденье машины Громова. А поскольку на объектах МЧС посторонние предметы без маркировки считаются потенциальной угрозой, я обязан был провести досмотр. И как начальник Службы безопасности, я официально заявляю: твои архитектурные фантазии нарушают как минимум три федеральных закона о пожарной безопасности и строительных нормах. Мансарда на Васильевском? Там деревянные балки перекрытий восемнадцатого века. Ты собираешься воткнуть туда камин без устройства изолированного дымохода и рассечки? Ты сожжешь этот исторический памятник на первой же неделе после сдачи объекта.

— Это биокамин на экологически чистом биотопливе, сухарь вы ведомственный! — я сердито прижала планшет к груди, как щит, и подалась вперед, едва не утыкась носом в его погоны. — Он не требует дымохода! Он абсолютно безопасен! Там температура горения контролируется встроенными датчиками и процессором! Вы хоть раз в жизни слышали словосочетание «несущая гармония пространства»?! Помещение должно дышать! В нем должен быть центр визуального притяжения!

— Пространство должно дышать кислородом, Леонова, а не углекислым газом от твоего биотоплива, — отбрил Макс, и на его жестких губах снова появилась та самая ленивая, раздражающая мужская усмешка. — «Несущая гармония» разрушится ровно в тот момент, когда твои строители-недотёпы прорубят проем в капитальной стене без установки разгрузочной рамы из швеллера. Я этот объект на Васильевском знаю, наша часть его тушила три года назад после такой же «гармоничной» перепланировки. Так что чертежи свои переделывай. По СНиПам. Либо я лично наложу вето на твою лицензию в черте этого города.

— Глеб! Ну скажи ты ему! — я в отчаянии повернулась к Громову, который за всё это время не произнес ни единого слова, продолжая с абсолютно счастливым видом пить свой утренний эспрессо.

Майор Громов медленно опустил кружку, перевел взгляд с Макса на меня, поправил свои растрепанные после сна темные волосы и лениво выдал:

— Лика, Макс прав по поводу швеллера. Там балки гнилые, рухнет всё к чертям вместе с твоим биокамином. А Аристархов нам за обрушение исторического центра голову оторвет, у него в том районе три новые кофейни открываются. Так что вы тут маневрируйте, чертите, а я пошел в душ. Влада просила к двенадцати приехать на Литейный, помочь тете Люсе новые стеллажи собрать. Сами разбирайтесь с безопасностью.

И этот предатель кондитерского фронта просто встал, подхватил свой планшет и размашистым шагом скрылся в коридоре, оставив меня стоять посреди стерильной кухни один на один с моим главным кошмаром в белой рубашке.

Я осталась стоять посреди кухни, тяжело дыша и буравя Макса яростным взглядом карих глаз. Капитан спокойно взял свою кружку, сделал неторопливый глоток кофе и медленно, с ленивым превосходством посмотрел на меня снизу вверх, плавно откинувшись на спинку стула. Его серые глаза смили мою взъерошенную фигуру в желтом худи до самых босых пальцев ног, отчего мне мгновенно захотелось наступить ему на его начищенный туфель.

— Ну и чего ты стоишь, ураган? — тихо, с легкой хрипотой пробасил он. — Кофе хочешь? Наливай. Только кружку ставь строго на подставку.

— Сама разберусь, где мне стоять и куда кружки ставить! — огрызнулась я, круто развернувшись на пятках и направляясь к кофемашине.

Вся моя поездка в Питер, обещавшая стать легким творческим отпуском с парой интересных объектов, стремительно превращалась в зону строгого режима. Но этот суровый начальник Службы безопасности еще не знал, что дизайнеры интерьеров умеют ломать не только старые стены, но и самую прочную, гранитную мужскую оборону.

Глава 5. Внеплановый штурм и архитектурный хаос (От лица Макса)

Понедельник в Службе безопасности пожнадзора — это всегда день повышенной служебной активности. Но сегодня моё утро началось не с дежурных селекторных совещаний, а с дотошного изучения карты Васильевского острова. Старинный доходный дом на шестой линии, возведенный в конце восемнадцатого века, числился в наших базах под грифом «повышенная категория риска». Деревянные перекрытия, дранка, гнилая стропильная система и... один взрывоопасный московский дизайнер в желтом худи, который вообразил, что законы физики и СНиПы можно проигнорировать ради «несущей гармонии пространства».

Я закрыл инспекционную папку, швырнул её на пассажирское сиденье своего служебного внедорожника и крутанул ключ в замке зажигания. Двигатель отозвался привычным, хищным рыком. Глеб Громов, уезжая утром во флагманский кондитерский цех своей Влады, долго и подозрительно косился на мою форменную куртку, но вопросов задавать не стал. И правильно сделал. Я ехал на Васильевский исключительно по делу. Проверка соблюдения правил пожарной безопасности на объектах капитального ремонта в историческом центре города — моя прямая, зафиксированная в контракте должностная обязанность. А то, что на этом объекте прямо сейчас хозяйничает Лика Леонова — чистая рабочая случайность. Которую я обязан был взять под тотальный контроль.

Питер встретил меня глухой, серой изморосью и ледяным ветром с залива. Я припарковал машину у покосившейся чугунной арки старого двора-колодца, накинул на плечи тяжелую форменную куртку с ведомственными нашивками СБ МЧС, перехватил планшет для актов и тяжелый инспекционный фонарь.

Дорога на четвертый, мансардный этаж по крутой, разбитой каменной лестнице заняла минуты три. Чем выше я поднимался, тем отчетливее до меня доносились звуки, которые никак не вписывались в понятие мирного строительного процесса. Из-под массивной дубовой двери, ведущей в чердачное помещение, доносился оглушительный скрежет перфоратора, грохот падающих кирпичей и... звонкий, до безумия яростный девичий крик, перекрывающий весь этот строительный хаос.

Я толкнул тяжелую дверь плечом и шагнул внутрь.

Мансарда была заполнена густыми, тяжелыми клубами вековой серой пыли, сквозь которую тускло пробивался свет из разбитых слуховых окон. Пространство площадью добрых сто пятьдесят квадратных метров выглядело так, словно сюда только что прилетел снаряд гаубицы. Горы старого строительного мусора, обломки гнилых досок, куски дранки и мешки с цементом были хаотично раскиданы по всему периметру, полностью нарушая любые правила организации рабочего места и пожарной безопасности.

По центру этого грандиозного погрома стояли трое питерских строителей в грязных комбинезонах, испуганно вжав головы в плечи. А прямо перед ними, взлетая на высокую строительную стремянку, как заведенная фурия, бушевала Лика Леонова.

Сегодня на ней не было ни красного шелка, ни огромного желтого худи. Она была облачена в узкие джинсы, щедро испачканные в белой штукатурке, массивные рабочие ботинки и короткую кожаную куртку поверх облегающего черного топа. Её каштановые дикие кудри были небрежно завязаны в узел на макушке с помощью строительного карандаша, а лицо, испачканное серой пылью, пылало таким яростным, концентрированным румянцем, что у меня в кармане датчик тепла едва не сработал.

— Да мне плевать, что у вас цемент не сохнет, Равшан и Джумшуд местного разлива! — взвизгнула Лика, ожесточенно тыча пальцем с идеальным пудровым маникюром в сторону

полуразрушенной кирпичной кладки смежной стены. — Я вам три дня назад по электронной почте скинула точную карту развертки осей! Почему проем под панорамное окно смещен влево на целых двадцать сантиметров?! Вы понимаете, что у меня туда теперь барочная консоль не встает?! Пространство перекошено! Несущая гармония лопнула к чертям! Переделывать! Всё сносить и выкладывать заново, пока я ваш инструмент в Неву не выбросила!

Строители уныло шмыгали носами, преданно глядя на неё, как побитые псы, и не решаясь вставить ни единого слова против московского архитектора хаоса.

Я сделал три размашистых шага вглубь помещения, и мои тяжелые форменные ботинки со стуком опустились на дощатый пол, мгновенно подняв новое облако серой пыли.

— Добрый день, граждане строители, — ледяным, вибрирующим басом пророкотал я, привлекая к себе внимание. Включил тяжелый фонарь, направив широкий луч света прямо на гору легковоспламеняющихся обломков у основания стремянки. — Плановая внеплановая инспекция. Начальник Службы безопасности пожарного надзора округа, капитан Шатров. Личные документы и журналы проведения инструктажа по технике безопасности — мне на стол. Живо.

Строители при виде моей формы и погон МЧС мгновенно выпрямились по струнке, потеряв последние остатки питерского флегматизма. Старший бригадир пульей бросился к своему рюкзаку, судорожно выуживая оттуда помятые папки с документами.

Лица при моем появлении замерла на третьей ступени стремянки, едва не выронив из рук рулетку. Она резко обернулась, её карие огромные глаза округлились от шока, а затем в них вспыхнул такой яростный, первозданный огонь тотального бешенства, перед которым меркли любые лесные пожары.

— Вы?! — выдохнула она, судорожно вцепившись пальцами в алюминиевую стойку лестницы. — Майор Командирский! Вы что здесь делаете?! Какая еще внеплановая инспекция?! Вы меня преследуете?! У меня официальный объект Аристархова, у нас всё согласовано с администрацией района! Убирайтесь отсюда со своими ведомственными бляхами!

— Во-первых, Леонова, я капитан, а не майор, повторяю для тех, кто плохо усваивает информацию с первого раза на кухне, — я медленно, с демонстративным спокойствием подошел к основанию её шаткой стремянки, заставив строителей поспешно отодвинуться в стороны. — Во-вторых, администрация района не выдает разрешений на загромождение путей эвакуации строительным хламом класса «Г-4». У вас здесь горючий мусор лежит прямо на силовых кабелях перфоратора. Изоляция повреждена, искры летят на сухую дранку перекрытий. Это стопроцентное основание для немедленного опечатывания объекта и приостановки всех видов работ до устранения нарушений.

— Да какие еще кабели?! Какая дранка?! — Лица от возмущения сделала еще один шаг вверх по стремянке, нависая надо мной и буквально задыхаясь от злости. От неё снова пахло этой чертовой дикой земляникой вперемешку со строительной пылью. — Мои строители аккуратно работают! Мы швеллер ставим, Глеб подтвердил, что рама выдержит! Вы мне просто срыв графика устраиваете из-за вчерашнего бокала шампанского! Мелкая, ведомственная месть сурового солдафона!

— Леонова, спустись вниз, твоя лестница установлена с нарушением угла наклона, — ровно произнес я, фиксируя взглядом, как верхняя площадка алюминиевой конструкции опасно подрагивает под её резкими движениями. Она стояла слишком высоко, а пол под ножками стремянки был усыпан мелкой, скользкой кирпичной крошкой.

— Не сойду я вниз! И не подумаю! — Лица упрямо вскинула свой нос в белой штукатурке, взмахнув рулеткой прямо перед моим лицом. — Вы мне не начальник, майор! Командуйте своими лейтенантами на плацу! А здесь я босс! Это моё пространство! Моя несущая гармония!

И именно в этот звенящий, наэлектризованный момент вселенная решила наглядно продемонстрировать московскому дизайнеру, как именно работают законы питерской гравитации и строительных СНиПОВ в старых доходных домах.

Глава 6

Сверху, прямо над её кудрявой головой, со старого деревянного оголенного потолочного перекрытия с сухим, страшным треском откололся огромный, тяжелый пласт вековой известковой штукатурки весом добрых килограммов десять. Кусок перекрытия полетел вниз с неотвратимостью падающей бомбы.

Строители в ужасе заорали, бросаясь в стороны. Лика испуганно вскинула голову, её глаза расширились от первозданного ужаса, лицо мгновенно потеряло весь свой яростный румянец, и она инстинктивно зажмурилась, выставив вперед свои маленькие ручки в пудровом маникюре.

У меня не было времени размышлять, вызывать звено или сверяться с пунктами инструкций по безопасности. Многолетние рефлексy Службы безопасности сработали за долю секунды, до того как мозг успел обработать команду.

Я сделал один мощный, бешеный выпад вперед, буквально снося своим широким плечом хрупкую алюминиевую стремянку. Конструкция с грохотом полетела на кафедру, Лика пронзительно, ультразвуком взвизгнула, теряя опору под ногами и падая с двухметровой высоты прямо в пропасть строительного мусора.

Но падения не произошло.

Я перехватил её тело прямо в воздухе, за секунду до катастрофы. Мои огромные, жесткие ладони намертво вцепились в её тонкую талию под кожаной курткой, и я силой своего веса прижал её спиной к своей широкой груди, принимая весь удар на себя. В следующую секунду огромный кусок старой штукатурки с глухим, страшным стуком разбился о бетонный пол ровно в том месте, где секунду назад стояла ножка её стремянки. Облако белой едкой пыли мгновенно накрыло нас с головой, превращая мансарду в филиал туманного ада.

Бах! — тяжелый осколок перекрытия срикошетил от пола и знатно прилетел мне по голени, пробив плотную ткань брюк, но я даже не поморщился.

В помещении воцарилась гробовая, звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, рваным дыханием Лики у меня на груди. Она мелко, судорожно дрожала всем своим хрупким телом, намертво, до побелевших костяшек вцепившись своими маленькими пальцами в рукава моей форменной куртки МЧС. Ее каштановые кудри рассыпались по моим плечам, а на мою белую рубашку снова посыпалась белая пыль.

Я медленно, чувствуя, как внутри закипает бешеный, первобытный адреналин, повернул её в своих руках лицом к себе, но из объятий не выпустил. Наши лица оказались непозволительно, опасно близко. Я видел каждую крошечную ресничку на её веках, чувствовал, как бешено, сумасшедшим ритмом колотится её сердце под черным топом, упираясь в мою грудную клетку.

— Ну и что мы имеем, Леонова? — тихо, с глубокой, опасной хрипотой в голосе пробасил я, буравя её карие огромные глаза своим взглядом. — Минус стремянка, минус потолок, минус твоя несущая гармония пространства. Ты вообще способна прожить хотя бы один час в этом городе без того, чтобы не разрушить пару исторических зданий и не подставиться под удар?

Лика тяжело дышала, глядя на меня снизу вверх. Весь её московский гонор и наглость испарились, уступив место чистому, девичьему испугу и какому-то странному, пугающему и звенящему притяжению, которое снова вспыхнуло между нами в этой пыльной мансарде.

Пыль после рухнувшего векового потолка укладывалась медленно, неохотно, серыми неоновыми искрами кружась в пробивающихся сквозь разбитые слуховые окна лучах блеклого, по-осеннему холодного питерского солнца. Воздух в заброшенной мансарде на шестой линии Васильевского острова был настолько плотным, сухим и едким от старой известковой крошки, что дышать приходилось через раз. В горле мгновенно пересохло, а легкие обожгло

противным, раздирающим спазмом. С потолка всё еще сыпались редкие крупинки побелки, глухо стуча по стальным строительным ящикам и мешкам с сухим цементом.

Но куда сильнее, чем от строительной извести, мои легкие горели от возмутительной, непозволительной и совершенно неправильной близости этого невыносимого человека.

Я до сих пор висела в его руках, намертво, до побелевших костяшек пальцев вцепившись в жесткий, шершавый брезент его форменной куртки МЧС с тяжелыми ведомственными нашивками «Служба безопасности пожарного надзора». Огромные, стальные ладони капитана Шатрова — теперь-то я наконец запомнила его фамилию после этого чеканного, уставного рапорта перед моими рабочими — по-прежнему мертвой, хозяйской хваткой сжимали мою талию под короткой кожаной курткой. Он удерживал меня так легко и уверенно, словно я весила не больше пушинки или мешка с сахарной пудрой.

Я была практически прижата всем телом к его широкой, монументальной груди. Сквозь тонкую ткань моего облегающего черного топа я отчетливо, сумасшедшим и рваным ритмом чувствовала бешеное биение его сердца.

Мой собственный пульс в этот момент творил какие-то совершенно немыслимые, панические кульбиты где-то в районе горла. Напряжение между нами в этой затянутой дымом мансарде звенело сильнее, чем поврежденный силовой кабель перфоратора, который продолжал мелко, яростно искрить в углу помещения, угрожая поджечь сухую дранку.

Глава 7

Пока я висела в его руках, пытаюсь прийти в себя после секундного полета со стремянки, в голове сумасшедшим калейдоскопом проносились события последних трех дней.

Какая же я всё-таки дура! Ну зачем, зачем я согласилась на эту питерскую авантюру? Ведь всё так идеально планировалось. Мама, подруги в Москве и сама Влада с Глебом были абсолютно уверены, что я еду в Санкт-Петербург в ленивый творческий отпуск. Сменить обстановку после тяжелого московского сезона, погулять на красивой свадьбе сестры, покататься на речных трамвайчиках и наконец-то отдохнуть от бесконечных чертежей, капризных строителей и сумасшедших сроков.

Но буквально за два дня до выезда, когда мой чемодан уже стоял собранным у двери, на меня через общих столичных заказчиков вышел сам Аркадий Николаевич Аристархов. Кофейный король Питера, чтоб его! Он прислал мне на почту обмерные планы этой заброшенной мансарды восемнадцатого века на Васильевском острове. Озвучил сумму гонорара с таким количеством нулей, что у меня мгновенно перехватило дыхание, и предложил сделать здесь флагманский, самый роскошный и дорогой VIP-зал сети «Шоко-Латте» в стиле барочного лофта!

И моё дизайнерское эго не выдержало.

Я творческий человек, я не умею проходить мимо таких шикарных, сложных пространств с огромным потенциалом. Я наивно решила совместить приятное с полезным: приехать на свадьбу, а параллельно взять под личный контроль этот самый сложный авторский надзор. Я была уверена, что за две недели своего «отпуска» быстро наведу здесь суету, раздам пинки питерским строителям, выровняю оси проемов и со спокойной совестью улечу обратно в Москву, оставив Владу и Глеба наслаждаться их медовым месяцем на Партизанской. И вот результат. Первый же рабочий день, понедельник, восемь утра — и мой мега-проект летит к чертям под ударами рухнувшей вековой штукатурки.

— Шатров, пусти меня, — наконец-то сипло, кашляя от осевшей на губах извести, выдавила я. Я упрямо попыталась упереться ладонями в его жесткие капитанские погоны, чтобы отодвинуться от него хоть на сантиметр, но с тем же успехом могла бы попытаться сдвинуть с места капитальную кирпичную стену этого доходного дома. — Инспекция окончена. Потолок упал, жертв и разрушений среди гражданского населения нет, твоя Служба безопасности пожарнадзора может праздновать свою очередную тактическую победу над искусством интерьерера. Руки убрал, капитан! Кому сказано!

Макс медленно, дразняще и как бы нехотя разжал свои железные пальцы на моей талии, позволяя моим ногам в массивных рабочих ботинках наконец-то коснуться засыпанного мусором дощатого пола. Он сделал один короткий шаг назад, сдернул с головы форменную кепку и ожесточенно стряхнул с нее серую побелку тыльной стороной ладони, не сводя с меня своего ледяного, сканирующего взгляда серых стальных глаз. В его прищуре не было ни капли сочувствия или джентльменской мягкости — только чистое, концентрированное мужское превосходство, должностное занудство и раздражение от моего присутствия на его вверенной территории.

— Леонова, ты не просто ураган, ты ходячее, дипломированное стихийное бедствие с полностью атрофированным чувством самосохранения, — глухо, с опасной и очень глубокой хрипотой пробасил он. Шатров подошел к стальному строительному ящику и со стуком бросил на него свой тяжелый инспекционный фонарь, который продолжал разрезать туман пыли ярким белым лучом. — Твои рабочие сейчас будут собирать этот хлам под моим личным, строгим конвоем. Объект официально закрыт, опечатан и обесточен до полного высыхания

цементной смеси и установки нормальной, согласованной разгрузочной рамы из металлического швеллера.

Он на секунду замолчал, доставая из глубокого кармана форменной куртки сложенный вдвое лист бумаги с распечаткой ведомственного реестра, и бросил на меня тяжелый, пронизательный взгляд, от которого мне мигом захотелось наступить ему на его начищенный туфель.

— Я поднял базы юриц еще в семь утра, Леонова, как только увидел фамилию ответственного за авторский надзор, — вкрадчиво, пугающе тихо продолжил капитан, и в его голосе проступили жесткие, инспекторские нотки человека, который привык командовать. — Кон-тракт на капитальный ремонт этой мансарды оформлен на твою московскую дизайнерскую студию. Заказчик — Аристархов. Срок сдачи под чистовую отделку по договору — две недели. Твоя сестра вчера на банкете думала, что ты прилетела в Питер просто отдохнуть, а ты, оказывается, решила проверить здесь тайный коммерческий блицкриг? Раздать пинки строителям, воткнуть сюда биокамин, прорубить панорамную арку в капитальной стене и со спокойной совестью улететь обратно в свою Москву, оставив нас расхлебывать последствия?

Глава 8

У меня внутри всё вспыхнуло от дикой, первозданной ярости. Этот солдафон мало того, что сорвал мне весь рабочий день, сломал стремянку, так еще и залез в мои коммерческие дела, устроив полноценную слежку и пробивку по своим СБшным каналам МЧС! Оправдываться, оправдывать свои графики или отчитываться перед ним о своей личной жизни я не собиралась принципиально. Я успешный московский дизайнер, а не напраказивший лейтенант на его плацу.

— Мои контракты, мои гонорары и мои сроки тебя вообще волновать не должны, капитан Шатров! — огрызнулась я, яростно пытаюсь отряхнуть свои узкие джинсы от налипшей белой штукатурки. Из-за бешеного адреналина и злости мои щеки пылали таким пунцовым румянцем, что никакой тональный крем бы не скрыл. — Да, у меня две недели! И я бы всё успела, потому что я профессионал, и мои проекты в Москве сдаются минута в минуту, без всяких задержек! Если бы в Питере были нормальные стены, нормальная проводка и... не было слишком бдительных начальников Службы безопасности, которым делать нечего, кроме как портить жизнь творческим людям и срывать графики авторского надзора! Мой проект утвержден лично генеральным директором сети «Шоко-Латте»! А твоя ведомственная паранойя и придирки просто ломают мне всю концепцию лофта! Ты мне стремянку алюминиевую сломал, Шатров! На чем я теперь чертежи сверять буду под потолком, когда строители оси перепутают?! На твоих широких плечах?!

На губах Макса медленно, дразняще лениво поползла убийственная, хищная усмешка, от которой у меня внутри всё переворачивалось. Он еще глубже засунул руки в карманы форменных брюк, плавно наклонился к моему лицу, сокращая расстояние между нашими губами до каких-то жалких, опасных пяти сантиметров. Я отчетливо почувствовала тонкий аромат его горького утреннего эспрессо и дорогого табака.

— Две недели, Леонова? В историческом фонде восемнадцатого века на Васильевском острове? — из его груди вырвался короткий, глухой и пугающе издевательский мужской смешок. Он окинул взглядом рухнувший потолок и покачал головой. — Да тут только на экспертизу скрытых дефектов деревянных перекрытий и дранки у меня уйдет неделя. Твоя бригада застряла здесь минимум на три месяца, ураган. А это значит, что и ты из своего Васильевского болота никуда в свою Москву не улетишь. Твоя столичная студия подождет. Можешь сворачивать свои чемоданы на Партизанской, чтобы не портить Глебу с Владой их законный медовый месяц своими строительными истериками, и искать себе долгосрочное жилье в Питере на всю зиму. Потому что я этот объект не приму и не подпишу ни один акт, пока ты не перепишешь каждый чертеж по моим СНиПам. И если понадобится, Леонова, будешь сверять чертежи прямо на моих плечах. Под моим личным, жестким и круглосуточным пожнадзором. Мне плевать на твои амбиции и амбиции Аристархова. Безопасность людей — моя работа. Марш со стройки, дизайнер хаоса. Объект опечатан.

Он резко выпрямился, обрывая этот затянувшийся, непозволительно интимный момент на самом взлете, повернулся к моим перепуганным строителям и громогласно скомандовал, отчего бригадир чуть не выронил свой журнал инструктажей по технике безопасности:

— Так, бойцы! Мешки с цементом от окон убрать! Весь горючий хлам — в контейнер во дворе! Кабель перфоратора обесточить, смотать и изолировать! Кто нарушит предписание или сорвет пломбу пожнадзора — поедет в отделение для выяснения личных данных и проверки патентов на работу! Время пошло! Резво двигаемся!

Строители в грязных комбинезонах пулей, словно заведенные, бросились выполнять его команды, полностью позабыв, что еще пять минут назад я была здесь главным боссом, авто-

ром проекта и единственным источником их зарплаты. Мой авторский надзор был вероломно, бесцеремонно и беспощадно растоптан тяжелыми берцами Службы безопасности.

— Мы еще посмотрим, кто кого перепишет, капитан Шатров! — в ярости выкрикнула я ему в спину, чувствуя, как слезы обиды, бессилия и адреналина закипают в глазах.

Я со злостью схватила свой кожаный планшет с чертежами со строительного ящика, круто развернулась на своих пятках, которые дико, с визгом скользили по кирпичной крошке и извести, и размашистым, гордым шагом направилась к выходу из мансарды. Тяжелая дубовая дверь закрылась за моей спиной со страшным, глухим стуком, отсекая меня от строительного хаоса и этого невыносимого мужчины в белой рубашке.

На дворе был понедельник, мой питерский отпуск официально превратился в затяжную, трехмесячную зимовку в зоне строгого ведомственного режима, но сдаваться на милость этого педантичного капитана я не собиралась ни за какие коврижки в этой вселенной. Посмотрим, чья несущая гармония пространства окажется прочнее.

Я быстро спускалась по крутой, разбитой каменной лестнице старого доходного дома, чувствуя, как внутри меня закипает холодное, расчетливое упрямство. Этот Шатров думал, что запугал меня своими СНиПами и проверками патентов? Он думал, что я побегу жаловаться Владе или покорно сяду перечерчивать планы по его указке?

Ну уж нет. Первым делом мне нужно было решить жилищный вопрос. Он прав в одном — стеснять молодоженов на Партизанской из-за того, что мой проект затягивается на три месяца, я не стану из чистой гордости. Я прямо сейчас найду себе независимое жилье здесь же, на Васильевском острове, поближе к объекту. И оттуда разверну свое тактическое дизайнерское наступление. Капитан Шатров объявил мне войну, и я этот вызов принимаю с огромным удовольствием. Посмотрим, насколько прочна его хваленая служба безопасности, когда на её пути встанет настоящий архитектор хаоса.

Глава 9. Зона особого внимания (Макс)

Понедельник в Службе безопасности пожарного надзора катился по привычному, уставному и годами выверенному регламенту, но внутри меня всё отчетливо зудело, напоминая о нарушении внутренней герметичности и тотальном сбое системы контроля.

Я сидел за своим массивным дубовым столом в кабинете, педантично выводя строчки официального рапорта о внеплановой инспекции строительного объекта на шестой линии Васильевского острова. В кабинете было прохладно, кондиционер мерно гудел, выстраивая идеальную, рабочую атмосферу холодной ведомственной структуры. На полированной поверхности стола всё было выстроено строго по линейке: стопка папок — параллельно краю, органайзер с канцелярскими ручками — справа под углом ровно сорок пять градусов, инспекционный планшет — по центру. Всё, как я любил. Всё, как требовала моя многолетняя привычка к безупречной, армейской структуре.

Но в воздухе кабинета, вопреки всей вентиляции, открытым форточкам и здравому смыслу, упрямо, нагло и бесцеремонно продолжал витать тот самый удушающий, приторно-сладкий шлейф дикой земляники. Он словно въелся в мои рецепторы, намертво пропитал форменную куртку МЧС, въелся в обшивку кожаного кресла и нагло издевался над моим хваленым, железным самоконтролем. Стоило мне на секунду закрыть глаза или ослабить концентрацию, как перед взором с пугающей, детальной чёткостью всплывал силуэт со строительной стремянки. Взъерошенные каштановые кудри, упрямо вскинутый нос в белой известковой пыли и карие огромные глаза, в которых полыхал пожар тотального, первозданного бешенства. И то, как это хрупкое тело мелко, судорожно дрожало у меня на груди всего несколько часов назад, ломало весь мой привычный рабочий ритм, превращая начальника Службы безопасности в зеленого лейтенанта после первого свидания.

Я ненавидел хаос. Я презирал неконтролируемые эмоции. Но Лика Леонова умудрилась привезти с собой из Москвы столько стихийной энергии, что мои внутренние датчики СБ просто плавились от перегрузки.

— Шатров, ты тут рапорты строчишь или план эвакуации собственного разума разрабатываешь? — массивная дубовая дверь кабинета распахнулась без предупреждения и стука, и на пороге вырос Глеб Громов.

Начальник караула и мой лучший друг был в своей дежурной боёвке, взъерошенный, злой, чертовски уставший и густо присыпанный какой-то кондитерской пудрой. Он швырнул свою тяжелую служебную рацию на кожаный диван в углу, тяжело опустился рядом, отчего пружины жалобно, глухо звякнули, и потер пальцами переносицу, утробно выдохнув.

— Чего тебе, Громов? У меня селектор с Главным управлением через полчаса, — я даже не поднял головы от бумаг, продолжая чеканить строчки официального рапорта. — Если пришёл по поводу утреннего ЧП на Васильевском, то строители уже грузят мусор в контейнер. Я объект опечатал. Пломбы стоят. Документы у меня.

— Да мне плевать на твои пломбы и мусор, Макс, — Глеб издал короткий, издевательский мужской смешок, от которого его широкие плечи знатно заходили ходуном под брезентом куртки. — Я по поводу твоей шеи пришёл. Влада мне десять минут назад такой разнос по телефону устроила, какого я от неё даже во время Выборгского пожара не слышал. Ты зачем девчонку со стремянки скинул, крушитель? Она прилетела к нам на свадьбу, а ты её в первый же рабочий день прессуешь, как контрабандиста на границе.

— Я её не скинул, Громов, я её перехватил в воздухе за секунду до того, как на её кудрявую, упрямую голову рухнул кусок исторической штукатурки перекрытий весом в десять килограммов, — я медленно, с демонстративным хладнокровием положил ручку на стол, строго параллельно краю папки, и наконец-то поднял на друга свои серые, стальные глаза. — Твоя

московская родственница устроила на чердаке восемнадцатого века сумасшедший дом. Там проводка искрит, автоматы старые, горючий хлам лежит прямо на силовых кабелях перфоратора, а она бежит по лестнице и орёт на рабочих, что у неё «несущая гармония пространства лопнула из-за смещения осей». Это не дизайн, Глеб. Это чистая уголовка по статье о нарушении правил строительной безопасности. Если бы я не приехал, выносить бы оттуда пришлось не чертежи, а её саму.

— Дизайнеры, Макс. Творческий народ, они СНиПов не читают, они мыслят масштабами искусства, — Глеб лениво потянулся, хрустнув суставами пальцев, и покачал форменной кепкой. — Моя вон тоже торты золотом покрывает и маскарпоне изводит тоннами, я уже привык к мучным сугробам на обоях и к тому, что у меня в раковине венчики вместо ножей лежат. Но суть не в этом. Влада просила передать, что её младшая сестра Лика примчалась к нам на Партизанскую в районе полудня. Влажная от дождя, взвинченная, злая как сто чертей, в белой известковой побелке с ног до головы. Глаза дикие, карие, пар из ушей валит. Заявила прямо с порога, что ноги её больше не будет в этой «ведомственной казарме», где всё пахнет уставами, пожарнадзором и капитаном Шатровым лично. Сгрэбла свой огромный пластиковый чемодан, все свои чертежи, палетки красок, рулоны обоев или что там у неё, вызвала грузовое такси и уехала в неизвестном направлении на Васильевский остров. Сказала Владе, что прямо с телефона сняла себе какую-то отдельную, независимую студию в старом фонде и застряла в Питере на всю зиму, пока объект не сдаст.

Я почувствовал, как челюсть сама собой сжимается до характерного хруста, а пальцы на столе непроизвольно сжались в кулак.

— На всю зиму, говоришь? Из-за проекта? И съехала из твоей квартиры?

— Съехала, Макс. Причём с такой помпой и текстом, что у меня Михалыч на ресепшене консьержа до сих пор под впечатлением ходит, — Глеб ухмыльнулся, качая головой и с интересом разглядывая моё окаменевшее лицо. — Девчонка из-за твоих СНиПов, проверок патентов и сломанной стремянки решила доказать всей нашей Службе безопасности округа, что московские дизайнеры перед силовиками не лебезят и не сдаются. Она теперь будет кочегарить свой лофт у тебя под самым носом. Влада, кстати, просила добавить лично от себя: если ты Лику окончательно до инфаркта или белого каления своими проверками доведешь, она меня к кондитерским цехам больше на метр не подпустит. Буду на сухпайках сидеть до самой весны, Шатров. Так что маневрируй, капитан. Ситуация вышла из-под контроля.

— Ситуация под моим полным, тотальным контролем, Громов, — ледяным, режущим тоном отозвался я, расправляя плечи под белой рубашкой. — Твоя кондитерша пусть занимается своими «Наполеонами» и стеллажами на Литейном, а на Лику Леонову у меня есть тридцать два пункта грубейших нарушений федерального законодательства. Посмотрим, насколько хватит её московского гонора и дизайнерских амбиций, когда Аристархов заморозит финансирование объекта из-за срыва сроков. В этом городе правила устанавливаю я, а не её «несущая гармония».

— Ну-ну, — Глеб подхватил свою тяжелую рацию с дивана, поднимаясь на ноги и направляясь к выходу из кабинета. Он остановился у двери, обернулся и добавил со своей фирменной ухмылкой: — Шатров, ты главное запасись успокоительным, я по своей Леоновой знаю. Без допинга первые месяцы ну никак. Удачного селектора с полковниками.

Дверь закрылась со стуком, и в кабинете снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом кондиционера. Лика Леонова съехала из квартиры Глеба. Из чистой, упрямой девичьей гордости и уязвленного самолюбия. Девчонка приняла мой утренний выпад на объекте как прямое объявление войны и теперь разворачивала свои партизанские, независимые позиции прямо в историческом центре города.

Она думала, что её студия, её московский статус и контракт на миллионы с Аристарховым дают ей полную автономию в черте Санкт-Петербурга. Ну уж нет. В моем секторе ответ-

ственности автономии для взрывоопасных московских ураганов не существовало в принципе. Если она решила здесь перезимовать — она будет зимовать по моим правилам.

Глава 10

Я решительно притянул к себе инспекционный планшет, открыл официальный бланк Службы безопасности и принялся жестко, пункт за пунктом, составлять официальный ведомственный акт о приостановке строительно-монтажных работ на объекте «Мансарда на Васильевском». Каждая формулировка была хирургически точной, выверенной, без капли личных эмоций или предвзятости — только сухие факты нарушений пожарной безопасности. Я перебирал копии её чертежей, которые изъясил утром у бригадира.

«Проем под панорамное окно смещен влево» — нарушение прочности фасадной стены здания-памятника.

«Монтаж биокамина без изолированной вытяжной системы в зоне исторических стропил» — прямая угроза возгорания дранки перекрытий класса «Г-4».

«Отсутствие разгрузочных рам из металлического швеллера» — риск обрушения мансарды прямо на нижний жилой этаж.

Всего набралось тридцать два пункта грубейших, бескомпромиссных нарушений строительных и пожарных ГОСТов. Настоящий, юридически чистый приговор для её проекта лофта. С таким актом Аристархову проще было снести эту мансарду, чем пытаться обойти мои СНиПы.

Я поставил под актом свою размашистую подпись, припечатал ведомственной синей печатью СБ МЧС, запечатал документ в плотный конверт и вызвал курьера.

— Экстренной доставкой в центральный офис сети «Шоко-Латте», лично в руки генеральному директору Аристархову, — скомандовал я поднявшемуся лейтенанту, передавая конверт. — Под подпись о вручении. Срочно. Сводку мне на стол. Время пошло.

Я прекрасно знал, как работает крупный бизнес в Питере. Аристархов — жесткий прагматик, хищник, для которого коммерческий расчет и отсутствие проблем с ведомствами всегда стояли на первом месте. Он платил Леоновой-младшей миллионы за скорость, за её столичный статус и за оригинальный дизайн. Но стоило Службе безопасности заблокировать объект официальным предписанием — и Аркадий Николаевич мигом включит режим жесткой экономии и ультиматумов. Мой расчет оправдался на все сто процентов, как на учениях.

Около шести часов вечера, когда за окнами кабинета уже окончательно стемнело, а питерский промозглый дождь принялся ожесточенно, с силой хлестать по стеклам, мой рабочий телефон завибрировал на столе. Пришло системное уведомление от курьерской службы: «Акт вручен адресату лично».

А еще через пятнадцать минут Глеб, заглянувший ко мне в кабинет за сигаретами перед караулом, со смешком скинул мне на мессенджер скриншот смс-переписки, которую Аристархов переслал Владе для информации. Лощеный кофейный барон переслал мой распечатанный акт Лике на её номер с лаконичной, убийственной и очень прагматичной припиской:

«Лика Владимировна, Служба безопасности заблокировала мансарду. Либо вы завтра утром лично являетесь в Управление на Партизанскую и утверждаете проект у капитана Шатрова, переписав его строго по СНиПам и пожарным ГОСТам, либо я расторгаю наш контракт в одностороннем порядке со штрафными санкциями за срыв графиков открытия VIP-зала. Выбирайте. Время дорого».

Я откинулся на спинку своего кожаного кресла, плавно засунув руки в карманы форменных брюк, и на моих жестких губах медленно поползла усмешка. Московский ураган попал в идеальный, глухой ведомственный тупик. Ей придется приползти ко мне самой. Своими собственными ножками на шпильках переступить порог моего кабинета, усмирить свой гонимый характер и признать, что в этом городе правила устанавливаю я. Она думала, что сможет

спрятаться в своей новой съемной студии на Васильевском? От пожнадзора еще никто не прятался.

Часы на стене кабинета мерно, занудно тикали, отсчитывая минуты. Было уже около восьми вечера, рабочий день управления подходил к концу. Я собирался закрывать сейф с секретными документами, собирать вещи и ехать к себе домой, как вдруг рация на моем плече судорожно, с треском зашипела, и в динамике раздался испуганный, заикающийся и сбивающийся дыхание голос дежурного лейтенанта с КПП Управления:

— Капитан Шатров... Тут... тут ЧП на проходной! Чрезвычайная ситуация! К нам на охраняемую территорию прорвалась какая-то сумасшедшая гражданская девица! Наотрез отказывается выписывать временный пропуск, разбросала на столе дежурного рулоны каких-то ватманов, чертежей и орет на весь холл, что если капитан Шатров не спустится к ней через тридцать секунд, она лично объявит ложную пожарную тревогу, нажмет на все экстренные кнопки и устроит нам тут погром! Гражданка Леонова фамилия! Что делать, товарищ капитан?! Вызывать наряд оцепления и комендантский патруль с автоматами?! Она невменяема!

Я медленно поднялся со своего кожаного кресла, расправил плечи под белой форменной рубашкой, застегнул верхнюю пуговицу, и внутри меня снова, с дикой, первобытной силой закипел знакомый, опасный адреналиновый азарт боевой тревоги. Девчонка не стала ждать до завтрашнего утра. Решила пойти на прямой, лобовой штурм Службы безопасности прямо в понедельник вечером, в самый разгар питерского ливня.

— Наряд и патруль отставить, лейтенант, — ледяным, вибрирующим басом пророкотал я в рацию, перехватывая со стола инспекционную папку со своим актом. — Код опасности в секторе — нулевой. Командую ликвидацией ситуации лично. Пропустите её на мой этаж и укажите дорогу к кабинету. И запирайте за ней крыло здания на электронный замок. Чтобы посторонние не мешали.

— Есть пропустить, товарищ капитан! — хрипнул дежурный.

Я встал у огромного окна, скрестив руки на груди, и замер в ожидании, глядя на отражение своих жестких капитанских погон в темном, заливаемом дождем стекле. По коридору уже доносился стремительный, яростный и звонкий цокот её каблучков. Московский ураган летел прямо в мои сети, и тушить этот огонь между нами я не собирался ни за какие ведомственные уставы мира. Объект повышенной опасности прибыл на место назначения.

Глава

Глава 11. Развертка осей на повышенных тонах (От лица Лики)

Дверь кабинета начальника Службы безопасности не просто открылась — она с треском впечаталась в стену. Я влетела внутрь, как снаряд, выпущенный из гаубицы, таща за собой шлейф из холодных питерских капель, дикой ярости и убойного аромата земляничного парфюма. Питерский ливень за полчаса успел превратить мои каштановые кудри в совершенно неуправляемый, мокрый и взрывоопасный нимб, а ярко-желтый худи с надписью «Архитектор хаоса» потемнел на плечах от воды. Но мне было плевать. Плевать на промокшие ботинки, на испуганного лейтенанта на КПП.

Внутри меня полыхал такой колоссальный, разрушительный пожар, какого эта Партизанская казарма не видела за всю историю своего существования.

— Шатров, ты... ты... ведомственный шантажист! — задыхаясь от быстрого бега по лестнице и захлебываясь от злости, выкрикнула я прямо с порога.

Я с размаху швырнула свой тяжелый кожаный планшет на его девственно чистый, отполированный дубовый стол. Следом туда же, ломая всю его маниакальную, выстроенную по линейке структуру, с грохотом полетели три тубуса с чертежами, веер пластиковых палеток с красками и тяжелая металлическая рулетка. Одна из палеток, раскрывшись веером, весело веером разлетелась по столу, перекрывая его строгие папки яркими, кричащими пятнами «сочного лайма» и «взрывной фуксии».

Капитан Шатров даже не вздрогнул. Этот гранитный монумент МЧС продолжал неподвижно стоять у огромного панорамного окна, скрестив руки на своей необъятной груди. На нем по-прежнему была та самая кипенно-белая форменная рубашка с жесткими погонами, натянутая на широких плечах так, словно ткань вот-вот лопнет по швам. Он медленно, с убийственным, ленивым превосходством повернулся ко мне лицом. Его серые, стальные глаза в полумраке кабинета, подсвеченного лишь настольной лампой, сузились, сканируя мой мокрый, взъерошенный силуэт от макушки до промокших ботинок.

— Леонова, в моем кабинете не принято орать, швырять строительный мусор на государственное имущество и нарушать тишину после окончания официального рабочего дня, — ледяным, вибрирующим басом пророкотал он. Его голос был настолько ровным и спокойным, что мне мгновенно захотелось запустить в него этой самой металлической рулеткой. — Дежурный на КПП доложил, что ты собиралась нажать кнопку экстренной эвакуации Управления. Ты понимаешь, что это чистая статья Уголовного кодекса за ложный вызов и дезорганизацию работы спасательных служб? Я могу оформить тебе протокол прямо здесь, не выходя из-за стола.

— Да оформляй что хочешь, капитан Шатров! Хоть протокол, хоть расстрельный приговор! — я сделала три решительных шага вперед, упираясь ладонями в край его стола и буквально нависая над его органайзерами. Мои кудри брызнули водой прямо на его безупречно чистый инспекционный бланк. — Ты что Аристархову отправил?! Что это за тридцать два пункта должностного бреда и паранойи?! «Отсутствие разгрузочных рам из швеллера»... «Грубейшие нарушения прокладки кабеля перфоратора»... «Незаконная попытка монтажа биокамина»... Ты зачем мне объект заморозил, СБ округа?! Аркадий Николаевич мне час назад прислал ультиматум! Либо я завтра утром утверждаю у тебя чертежи, либо он расторгает контракт со столичной студией в одностороннем порядке! Ты мне карьеру ломаешь, Шатров! Мой лучший проект в этом городе!

Макс медленно, с невыносимой, дразнящей неторопливостью отошел от окна. Его тяжелые шаги отозвались глухим стуком по ламинату. Он подошел к столу, остановился напротив меня, разделенный лишь шириной дубовой столешницы, и опустил свой тяжелый, пронзитель-

ный взгляд на веер моих цветных палеток. Он аккуратно, двумя пальцами взял карточку с цветом «взрывная фуксия», которая бесцеремонно легла на его синюю ведомственную печать, и переложил её на край стола.

— Твой проект, Леонова, — это не искусство, а потенциальная братская могила для пятидесяти посетителей кофейни на Васильевском острове. Я этот акт составил на основании федеральных ГОСТов и СНиПов, а не из-за личных симпатий или антипатий к тебе. Балки в мансарде гнилые. Проводка — труха. Твой биокамин без изолированного дымохода спалит эту дранку за пять минут после первого же розжига. Аристархов — прагматик. Он умеет считать деньги, поэтому переслал тебе мой рапорт. И если твоя московская студия не способна проектировать объекты с учетом элементарных правил пожарной безопасности, то тебе действительно лучше собрать свои палетки и улететь обратно в Москву. Целее будешь. И исторический центр города тоже.

— Моя студия проектирует лучшие объекты в столице, Шатров! — от возмущения у меня перехватило дыхание, а пальцы сжались в кулаки так, что ногти вонзились в ладони. — Мои проекты проходят экспертизы в Мосжилинспекции с первого раза! Там люди сидят с тридцатилетним стажем, и никто, никто не называл мою «несущую гармонию» строительным бредом! Я сегодня днем из-за твоих дурацких придирок и опечатанного объекта, сняла себе отдельную студию в старом фонде, потратила кучу денег, застряла в твоём дождливом Питере на всю зиму ! И всё ради того, чтобы ты одним росчерком своего инспекторского пера уничтожил мой контракт?! Да я... да я не уйду отсюда, пока ты не подпишешь мне этот чертов акт приемки осей!

Глава 12

Макс замер. Его серые глаза на секунду потемнели до цвета грозового антрацита, а жесткая линия челюсти сжалась так сильно, что на щеках заходили дикие, опасные желваки.

— Съехала, значит? На Васильевский? — вкрадчиво, пугающе тихо переспросил он, и его голос упал до низкого, вибрирующего регистра, от которого у меня по коже мгновенно пронесся табун горячих искр. — Из гордости, Леонова? Решила поиграть со мной в независимость в старом жилом фонде? Что ж. Твое право. Но этот акт приемки осей я тебе не подпишу. Ни сегодня, ни завтра, ни через неделю.

— Ах так?! — я в ярости подалась вперед, перегибаясь через стол и едва не утыкаясь носом в его безупречный форменный воротник. — Не подпишешь, капитан?! Тогда я прямо сейчас устрою здесь ложную тревогу! Я нажму на эту чертову красную кнопку на стене коридора! Посмотрим, как ты будешь объяснять генералам, почему Службу безопасности штурмуют московские дизайнеры!

Шатров не стал кричать. Он не стал вызывать наряд оцепления или читать мне нотации по уставу.

Он действовал молниеносно, на уровне тех самых безупречных рефлексов МЧС, которые я уже имела несчастье оценить утречком на стремянке. Огромная, горячая ладонь Макса железной хваткой перехватила мои запястья, обрывая мою яростную жестикуляцию. Одним мощным, плавным движением он обогнул стол, сокращая расстояние между нами до абсолютного нуля, и прижал моё тело спиной к жесткому краю своего дубового стола.

Я испуганно ойкнула, но этот звук мгновенно потонул в звенящей тишине кабинета.

Макс навис надо мной всей своей основательной, центнеровой массой, полностью блокируя мне любые пути к бегству. Его стальные бедра жестко зафиксировали мои ноги под мокрым желтым худи, а лицо оказалось так близко, что я отчетливо видела каждую крошечную темную ресничку в его глазах. От него пахло морозным ветром, пороховой гарью после дежурства и чистым мужским одеколоном, от которого у меня кружилась голова еще в ресторане.

— Леонова, ты заигралась, — глухо, с пугающей прерывистой хрипотой пророкотал он мне прямо в губы. Его дыхание опалило мою кожу, заставляя кудри мелко задрожать. — Твои московские фокусы в моем кабинете не работают. Хочешь нажать кнопку? Нажимай. Но учти: из этого Управления ты тогда уедешь не в свою новую съемную студию, а в камеру предварительного заключения за терроризм и саботаж. И Аристархов тебе тогда точно ничем не поможет. Навоевалась, ураган?

Я замерла со вдохом на полпути, намертво вцепившись пальцами в рукава его белой рубашки под погонами. Сердце колотилось под со скоростью отбойного молотка, упираясь прямо в его мощную грудную клетку. Напряжение между нами достигло той самой критической, греховой отметки, когда все стоп-краны срывает с мясом.

Это была чистая, первозданная злость, замешанная на каком-то диком, неправильном и непреодолимом физическом притяжении, которое мы оба упорно пытались отрицать. Он сжимал мои запястья слишком крепко, а его взгляд намертво приковал мои припухшие, сухие от страха и адреналина губы. Я видела, как тяжело и прерывисто вздымается его грудь, как ходят желваки на его лице. Он хотел меня поцеловать. Хотел так сильно, что воздух в кабинете, казалось, раскалился до температуры горения биотоплива.

Но капитан Шатров умел гасить пожары в самый последний, критический момент. Из тех, когда до взрыва бака остается доля секунды.

Он сделал резкий, глубокий вдох сквозь зубы, шумно выдохнул и медленно, с явным усилием разжал свои стальные пальцы на моих руках, отступая на два шага назад к окну. Провел ладонью по лицу, буквально силой возвращая себе маску ледяного, должностного сухаря.

— Значит так, Леонова, — его голос снова приобрел привычную, сухую и ровную инспекторскую тональность, словно секунду назад он не прижимал меня к столу, готовый сойти с ума от ревности и страсти. — Планшет свой заberi. Палетки тоже. Даю тебе ровно одну ночь. Вот тебе чистый ведомственный бланк технических условий пожарнадзора для исторических зданий. Перечерти проект с учетом разгрузочной рамы, изолированного дымохода и переноса мокрой зоны. Завтра в девять ноль-ноль жду тебя здесь с новыми, исправленными чертежами. Опоздаешь хоть на минуту — акт о приостановке работ уйдет в прокуратуру, и Аристархов расторгнет с тобой контракт до обеда. Всё, свободна, дизайнер хаоса. Ликвидация чрезвычайной ситуации окончена.

Я смотрела на него, тяжело дыша и судорожно растирая покрасневшую кожу на запястьях. Меня трясло мелкой дрожью от адреналинового истощения, обиды и злости на саму себя за то, что в его руках я напрочь позабыла про всю свою московскую независимость. Схватила со стола планшет, рулон технических условий, сгребла в охапку свои тубусы и палетки, едва не рассыпав их по полу, и круто развернулась на пятках.

— Ненавижу тебя, капитан Шатров! — сипло, сорвавшимся голосом выкрикнула я, не оборачиваясь. — Ненавижу твои СНиПы, твои погоны и твое Управление! Завтра в девять утра я привезу тебе такие чертежи, что ты сам их подпишешь и попросишь прощения!

Я вылетела из его кабинета, с грохотом захлопнув за собой дверь. Спускаясь по лестнице Управления на Партизанской под удивленные взгляды дежурных лейтенантов, я судорожно сжимала рулон бумаги в руках. Капитан Шатров думал, что загнал меня в угол и заставит капитулировать перед его правилами? Ну уж нет. Лика Леонова ради своего проекта готова не спать всю ночь, стереть пальцы о карандаш и сломать любую, даже самую прочную гранитную ведомственную оборону Службы безопасности.

Глава 13. Ведомственный чай (Ли́ка)

Ночной Васильевский остров за окнами моей новой съемной студии напоминал декорации к какому-то мрачному, готическому триллеру про замерзающих художников. Ледяной декабрьский ветер с залива ожесточенно барабанил крупными каплями дождя вперемешку со снегом по старым стеклам, заставляя разошедшиеся деревянные рамы жалобно и занудно подвывать в унисон моим собственным мыслям.

В самой студии, которую я с такой гордостью и пафосом сняла сегодня днем, чтобы доказать свою тотальную независимость Громовым, было холодно как в леднике. Старые чугунные батареи под подоконником едва теплились, издавая унылое бульканье, а из щелей в деревянном полу немилосердно дуло сыростью. Обычный питерский старый фонд — снаружи величественная история, а внутри — коммунальный апокалипсис и сквозняки. Я уже трижды пожалела, что из чистой гордости отказалась остаться на Партизанской, но возвращаться назад с повинной головой было выше моих сил.

Я сидела прямо на полу, поджав под себя ноги в коротких трикотажных шортах и кутаясь в свой огромный желтый худи «Архитектор хаоса» как в спасательный кокон. Вокруг меня веером были разбросаны рулоны кальки, миллиметровка, палетки красок, карандаши и тот самый чертов рулон ведомственных технических условий, который капитан Шатров вручил мне в своем кабинете. Наручные часы показывали три часа ночи, в глазах от напряжения уже лопались мелкие капилляры, а пальцы правой руки онемели от бесконечного черчения под тусклым светом единственной настольной лампы. Кожа на запястьях всё еще сохраняла легкий розоватый оттенок — напоминание о том, как жестко этот солдафон зафиксировал меня у своего стола.

— Ненавижу тебя, Шатров, — вслух, хриплым от подступающей простуды голосом прошептала я в пустоту темной, холодной комнаты. — Сухарь. Черствый, бездушный, маниакальный солдафон с жесткими погонами. Ты думаешь, что если надел форму Службы безопасности, то можешь диктовать условия московским дизайнерам? Ну уж нет.

Стоило мне произнести его фамилию вслух, как моё тело снова предательски прошила волна совершенно неправильного, греховного жара. Я судорожно сжала в пальцах автоматический карандаш, вспоминая те несколько секунд в его кабинете на Партизанской. Вспоминала, как его огромная, горячая ладонь мертвой хваткой перехватила мои запястья. Как он в один прием прижал меня спиной к краю своего дубового стола, полностью блокируя любые пути к бегству своей центнеровой массой.

Его лицо тогда было так близко, что я отчетливо видела стальной блеск его серых глаз и чувствовала терпкий аромат горького кофе и табака. Он ведь реально хотел меня поцеловать. Я видела это по тому, как расширились его зрачки, как тяжело вздымалась его широкая грудь под кипенно-белой форменной рубашкой. И самое позорное, самое унижительное во всей этой истории — я сама в ту секунду напрочь позабыла про всю свою хваленую независимость, готовая сдать на милость этого ведомственного Отелло специального назначения.

Я яростно потрянула кудрями, выкидывая эти мысли из головы, и с силой провела ластиком по ватману, стирая линию панорамной арки. Хватит соплей, Леонова. На кону стоял контракт всей моей жизни с Аристарховым и репутация моей столичной студии интерьеров. Если я завтра в девять утра не швырну Шатрову на стол безупречный проект, переписанный строго по его треклятым СНИПам, кофейный король расторгнет со мной договор до обеда, и я улечу в Москву с позорным клеймом неудачницы, которая не справилась с питерским пожарнадзором. А этого я Шатрову подарить не могла ни за какие сокровища мира.

Я врубилась на планшете профессиональную инженерную программу и принялась заново пересчитывать развертку осей мансарды на Васильевском. Шаг за шагом, строчка за строчкой,

сверяясь с его ведомственным бланком. Каждая цифра должна была быть идеальной, чтобы ни один проверяющий инспектор в этом городе не смог придраться даже к толщине линии.

Вызов был брошен, и моя творческая натура включилась на максимум, вытесняя усталость и подступающую лихорадку. Раз этому педантичному капитану СБ нужно усиление перекрытий — хорошо, я впишу сюда эту разгрузочную раму из тяжелого металлического швеллера. Но я не просто воткну туда уродливые строительные железки, как сделал бы любой гражданский инженер. Я замаскирую этот швеллер под стильные, грубые элементы индустриального лофта, выкрасив его в матовый антрацитовый цвет, и пушу по нему скрытую светодиодную подсветку с мягким теплым свечением! Ему не нравится биокамин без вытяжки? Прекрасно. Я перенесу его в центр зоны визуального притяжения, обустрою фальш-дымоход из состаренного кирпича а-ля восемнадцатого века с мощным встроенным изолированным вытяжным вентилятором, который будет выводить воздух в общую вентиляционную шахту стропил без всякого риска возгорания дранки. А мокрую зону барной стойки я смещу ровно на тридцать сантиметров вправо, располагая её строго над техническими помещениями нижнего этажа, полностью убирая угрозу протечки в жилые комнаты.

К шести часам утра проект был полностью готов. Он был хирургически точен, юридически чист, соответствовал всем СНиПам, ГОСТам и строительным нормам, но при этом оставался роскошным, стильным барочным лофтом, от одного вида которого у Аристархова должны были потечь слюнки.

Я обессиленно откинулась спиной на холодную стену студии, чувствуя, как тело колотит мелкая, противная дрожь. Нос заложило окончательно, горло раздирало сухим кашлем, а голова казалась налитой тяжелым свинцом. Из-за сквозняков в этой ледяной съемной квартире я знатно простудилась за ночь, превратившись в бледную тень самой себя. Но на душе царило дикое, триумфальное торжество. Я смогла. Я сделала это. Капитан Шатров, готовь свою синюю ведомственную печать, твой пожнадзор официально капитулирует перед дизайном интерьеров.

Вторник. Ровно восемь часов пятьдесят девять минут утра.

Я влетела в холл Управления Службы безопасности на Партизанской секунда в секунду. Дежурный лейтенант на КПП при виде моего желтого худи, который я даже не подумала сменить, испуганно подскочил на месте, выпрямился по струнке и поспешно нажал кнопку турникета, даже не заикнувшись про временный пропуск или документы. Вся часть уже, видимо, знала про сумасшедшую московскую гражданку, которая вчера вечером штурмовала кабинет их начальника СБ и едва не объявила ложную тревогу.

Я поднялась на третий этаж, дошла по длинному коридору до массивной дубовой двери и без стука, одним резким движением толкнула её от себя плечом.

Кабинет Макса Шатрова встретил меня всё той же идеальной, прохладной ведомственной стерильностью. Сам капитан сидел за своим огромным столом, педантично сверяя время по своим тяжелым тактическим часам на широком запястье. На нем сегодня был безупречный форменный темно-синий китель, застегнутый на все пуговицы, жесткие погоны с серебряными звездами сияли под светом ламп, а подбородок был идеально выбрит. Он выглядел как ожившее учебное пособие по строевой подготовке, холодный, собранный и абсолютно непробиваемый.

Шатров медленно, со знакомым ленивым превосходством поднял на меня свои серые стальные глаза. Его взгляд мгновенно зафиксировал мой бледный вид, темные тени под глазами от бессонной ночи, красные крылья носа и рулоны новых чертежей, которые я судорожно сжимала в руках.

— Девять ноль-ноль, Леонова, — ровно, своим глубоким вибрирующим басом произнес он, откидываясь на спинку кресла и скрещивая руки на груди. — Исполнительность похваль-

ная, для москвички. Ну и где твои архитектурные фантазии? Привезла рапорт о капитуляции своей студии или продолжишь пугать моих лейтенантов на КПП рулонами обоев?

Вместо ответа я сделала три решительных шага к его столу и со стуком швырнула обновленный ватман прямо перед его органайзерами, ломая всю его идеальную симметрию.

— Читай, капитан Шатров! Изучай свои любимые СНиПы и ГОСТы! — прохрипела я, пытаюсь удержать остатки гордости, но мой голос сорвался на жуткий, сил্পый кашель, от которого мне пришлось согнуться пополам, прижимая ладонь к груди. В глазах на мгновение потемнело.

Макс мгновенно нахмурился, его ленивая усмешка испарилась за долю секунды, а серые глаза потемнели до цвета грозового фронта. Он даже не посмотрел на чертежи. Вместо этого его огромная, горячая ладонь резко взметнулась вверх, и его жесткие пальцы бесцеремонно, властно легли мне прямо на лоб, фиксируя мою голову на месте и заставляя меня замерить.

— Твою мать, Леонова, да ты же горишь, — глухо, с пугающей мужской яростью пробасил он, мгновенно улавливая лихорадочный жар моей кожи. — У тебя температура под тридцать девять, не меньше. Ты в каком подвале эту ночь провела, ураган? На Партизанской отопление работает на полную мощность, у Глеба дома тепло. Где ты так умудрилась простудиться за несколько часов?

— Руки убрал от автора проекта, Шатров... — сипло, почти беззвучно попыталась огрызнуться я, отстраняясь от его ладони, но голова тут же предательски закружилась, пол под ногами качнулся, и я покачнулась, едва не теряя равновесие. Огромные чертежи начали вываливаться из моих ослабевших пальцев.

Глава 14

Макс отреагировал со скоростью боевой тревоги. Он в один широкий шаг обогнул стол, поймал моё обмякшее тело за талию и силой, не слушая никаких возражений, усадил меня в свое огромное, мягкое кожаное. Сам подошел к шкафу, выудил оттуда большой термос и налил в кружку обжигающий, пахнувший лечебными травами, медом и чабрецом горячий чай. Он водрузил кружку прямо передо мной, нависая надо мной своим необъятным корпусом в кителе.

— Пить, Леонова. Быстро. До самого дна, — ледяным, не допускающим никаких возражений тоном скомандовал он, суя кружку мне прямо в дрожащие пальцы. — Пока ты тут у меня в кабинете копыта не отбросила от своей дурацкой гордости. А чертежи твои... я сейчас изучу лично, строчка за строчкой. Посмотрим, насколько твоя «несущая гармония» соответствует пожарной безопасности. Пей, ураган. Это официальный приказ.

Я судорожно обхватила пальцами горячую кружку, вдыхая целебный аромат чабреца, который мгновенно смягчил раздираемое кашлем горло, и уставилась на него сквозь пелену слез и простудного тумана. Капитан Шатров официально включил режим суровой, тяжелой мужской заботы специального назначения, и спорить с ним у меня сейчас не было абсолютно никаких сил, да и желания, если честно, тоже.

Макс тем временем вернулся за стол, придвинул к себе мои ночные чертежи и углубился в изучение графики. В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь моим тяжелым дыханием и тихим шуршанием плотной бумаги. Я пила обжигающий чай, чувствуя, как тепло медленно растекается по замерзшему телу, и сквозь туман лихорадки наблюдала за его суровым профилем. Капитан Шатров водил пальцем по линиям моих швеллеров, и его жесткая челюсть постепенно расслаблялась, уступая место профессиональному мужскому удивлению.

— Ну надо же, — негромко произнес он минут через пятнадцать, аккуратно откладывая в сторону чертеж общего плана. Он поднял на меня свой тяжелый, стальной взгляд, в котором больше не было прежнего инспекционного раздражения. — Разгрузочная рама замаскирована под индустриальный декор... Перенос мокрой зоны выполнен с точностью до сантиметра над техническими боксами. И биокамин с фальш-дымоходом из исторического кирпича. Леонова, признаю: твои московские инженеры едят свой хлеб не зря. Проект идеален с точки зрения СНиПОВ.

Я победно, хоть и очень сипло, хмыкнула, чувствуя, как внутри расцветает законное дизайнерское торжество.

— Я же говорила тебе, капитан Шатров. Моя студия брака не делает. Ставь свою ведомственную печать и открывай объект. Мне нужно возвращать рабочих на Васильевский.

— Объект я открою, Леонова, — Макс медленно поднялся, подошел к сейфу, достал оттуда тяжелую синюю печать и с глухим стуком припечатал обновленный акт согласования. Но затем он развернулся ко мне, и его серые глаза снова потемнели до опасного оттенка. — Но контролировать монтаж этих самых антрацитовых швеллеров и кирпичного дымохода я буду лично. Ежедневно. Я буду приезжать на твой Васильевский остров каждое утро, ураган. Так что твой пожнадзор только начинается.

Он подошел ко мне вплотную, бесцеремонно забрал из моих рук пустую кружку из-под чая и потянул меня за руку вверх, заставляя подняться с кресла.

— А сейчас — собирай свои тубусы. Я вызываю ведомственную машину. Твоя затяжная питерская зимовка официально объявляется открытой, но сначала капитан Шатров лично отвезет тебя в твою новую съемную квартиру и проверит, как там работают обогреватели. Потому что замерзающие московские дизайнеры в моем секторе ответственности не предусмотрены ни одним уставом. Двигайся, Леонова. Это не обсуждается.

Я покорно сгребла в охапку свои чертежи, чувствуя, как голова кружится не то от высокой температуры, не то от его пугающей, властной мужской заботы. Наша окопная война на Васильевском острове только начиналась, но этот суровый капитан Службы безопасности еще не знал, на что способен архитектор хаоса, когда у него появляется личный, персональный проверяющий инспектор.

Глава 15. Инспекция личного пространства (Ли́ка)

Служебный внедорожник Макса Шатрова пробивал плотную серую завесу питерского ливня с той же ленивой, но пугающе сокрушительной уверенностью, с какой его владелец вчера штурмовал мои чертежи. Дворники на лобовом стекле молотили в бешеном, рваном ритме, а за окнами проплывали хмурые, величественные и абсолютно чужие фасады Васильевского острова.

В салоне машины было жарко — Макс врубил печку на максимум, едва я успела захлопнуть пассажирскую дверь и уткнуться носом в воротник своего огромного желтого худи. Меня по-прежнему колотило крупной, противной лихорадочной дрожью. Простудный туман в голове сгушался, превращая реальность в какой-то сюрреалистический лофт, где главным элементом декора был этот хмурый капитан Службы безопасности пожарного надзора. Он сидел справа от меня, положив одну массивную ладонь на руль, а второй уверенно переключал передачи. Его темно-синий китель пах морозным ветром, кожей и тем самым горьким чабрецом, от которого у меня внутри до сих пор разливалось тяжелое тепло.

Мы молчали весь путь от Партизанской до шестой линии. Шатров лишь изредка бросал на меня короткие, тяжелые взгляды своих серых стальных глаз, контролируя, не собираюсь ли я упасть в обморок прямо на его кожаное сиденье. А я упрямо сжимала в руках тубусы с чертежами и подписанный им акт согласования осей. Синяя ведомственная печать МЧС на бланке была моей личной, выстраданной за бессонную ночь победой. Но цена этой победы сейчас измерялась температурой под тридцать девять градусов и полным отсутствием сил для дальнейшего сопротивления.

Когда внедорожник затормозил у чугунных ворот старинного доходного дома, где я вчера так опрометчиво сняла свою независимую студию, Макс заглушил мотор, резко дернул ручник и повернулся ко мне всем своим центнеровым корпусом.

— Приехали, Леонова, — его низкий, вибрирующий бас эхом разнесся по салону, заставляя мои кудри мелко вздрогнуть. — Веди на свой новый стратегический объект. Посмотрим, в каких трущобах московские архитекторы хаоса планируют зимовать.

— Я сама справлюсь, Шатров. Объект открыт, печать на месте. Твоя должностная миссия выполнена. Можешь ехать обратно на свой плац, — сипло, почти беззвучно прохрипела я, тщетно пытаясь откашляться. Из-за заложенного носа мой голос окончательно превратился в шепот простуженного ежа.

— Леонова, прикрути фитиль, у тебя голос сейчас как у сломанной сирены пожадзора, — отрезал капитан, и на его жестких губах снова появилась убийственная усмешка. — Вылезай из машины. Живее.

Он первым вышел под проливной дождь. Прежде чем я успела потянуть на себя ручку двери, Макс уже обогнул капот, бесцеремонно распахнул мою дверь. Рукой он железной, но на удивление бережной хваткой перехватил мой локоть, буквально заставляя меня выйти на скользкий питерский асфальт.

Мы поднялись на третий этаж по крутой, темной каменной лестнице старого фонда. Наша парадная пахла сыростью, столетней пылью и кошачьим кормом — классический колорит Васильевского острова. Я судорожно, звеня ключами в дрожащих пальцах, провернула замок деревянной двери и толкнула её внутрь.

Моя новая съемная студия встретила нас всё тем же ледяным, сквозняком, от которого меня трясло всю ночь. Пространство площадью сорок квадратных метров с высокими потолками и огромным арочным окном выглядело невероятно стильно: кирпичные стены, старинный каминный портал (увы, заколоченный) и минимум мебели. Настоящий рай для дизайнера.

И абсолютный ад для простуженного человека. Чугунные батареи под окном уныло и тихо булькали, выдавая температуру чуть выше комнатной.

Макс зашел следом, сбросил на пол форменную кепку и окинул взглядом масштабы моего жилищного триумфа. Его брови сошлись у переносицы в одну жесткую, пугающе опасную складку. Он прошагал в центр комнаты, присел на корточки перед батареей и прижал к ней свою огромную ладонь.

— Леонова, ты дура или просто издеваешься над моим ведомством? — тихо, с глухим рокотом ярости пробасил он, поднимаясь во весь свой двухметровый рост и нависая надо мной посреди пустой комнаты. — Здесь от силы градусов четырнадцать. Батареи завоздушены, теплоотдача нулевая. Из оконного стыка дует так, что занавески колышутся, как флаги на плацу. Ты в этом леднике собиралась провести три месяца питерской зимы?! У тебя вместо мозгов — дизайнерские палетки?!

— Здесь отличная... аутентичная атмосфера старого Питера! — сипло попыталась защитить я свой выбор, прижимая тубусы к груди как щит и непрерывно стуча зубами от холода. Лихорадка накрывала меня новой, тяжелой волной, пол под ногами начал медленно плыть в сторону кирпичной стены. — Помещение дышит... В нем есть дух... времени...

— Дух воспаления легких в нем есть, ураган, — жестко припечатал капитан Шатров.

Он в один широкий шаг сократил расстояние между нами. Его огромные, горячие руки бесцеремонно перехватили мои тубусы, отбрасывая их на кровать. Шатров мертвой хваткой вцепился в мои плечи, фиксируя моё дрожащее тело. Его серые стальные глаза были совсем близко — в них горел такой яростный, чистый мужской огонь контроля и скрытого, пугающего беспокойства, от которого у меня перехватило дыхание.

Глава 16

— Значит так, дизайнер хаоса, — его голос упал до того самого низкого, вибрирующего регистра, который заставлял мои внутренние предохранители плавиться со свистом. — Слушай мою команду. Сейчас ты марш в постель. Залезаешь под всё теплое, что найдешь в своем чемодане. А начальник Службы безопасности округа прямо сейчас проведет экстренную ликвидацию твоей коммунальной катастрофы. Возражения не принимаются, Леонова.

Я смотрела на его суровое, выбритое лицо, на жесткие погоны с серебряными звездами на его плечах, и внутри меня впервые за всё это время не нашлось ни единого слова для ответного отпора. Гордость окончательно капитулировала перед дикой слабостью. Голова закружилась так сильно, что я просто уткнулась лбом в его жесткий форменный воротник, шумно вздохнув и вдыхая его аромат.

— Ладно, капитан... — едва слышно, сиплым шепотом выдохнула я ему в рубашку. — Твоя взяла. У меня... кажется, действительно... выбило автоматы.

Макс ничего не ответил. Но его руки на моих плечах сжались на секунду так сильно и бережно, что у меня внутри окончательно потеплело. Он аккуратно, словно я была сделана из тончайшего фарфора, довел меня до кровати, усадил на матрас и принялся ожесточенно распаковывать мой огромный чемодан в поисках теплого шерстяного пледа.

Следующий час превратился в демонстрацию того, как именно работает Служба безопасности МЧС в условиях гражданского хаоса. Пока я лежала, укутанная до самого подбородка в два одеяла и свой желтый худи, капитан Шатров полностью захватил контроль над моей студией.

Он сбросил свой парадный темно-синий китель, оставшись в одной белой форменной рубашке, верхние пуговицы которой он расстегнул, открывая вид на крепкую, пульсирующую шею. На его ремне поблескивала массивная ведомственная бляха. Макс нашел на кухне старый разводной ключ, подошел к чугунной батарее и с коротким, яростным металлическим скрежетом провернул кран Маевского, спуская скопившийся воздух. Вода с шипением брызнула в подставленный таз, и уже через десять минут старый чугун под подоконником начал медленно, но верно отдавать в комнату настоящее, живое тепло.

Затем он вытащил из кармана телефон и жестким, командирским тоном набрал номер некоего Смирнова из снабжения:

— Смирнов, здорово. Это Шатров. Мне через полчаса на шестую линию Васильевского острова нужен мощный тепловой конвектор из резервного фонда управления. Оформи как временное изъятие для нужд ликвидации очага переохлаждения на гражданском объекте. Рапорт напишу сам. Давай, живее, одна упрямая москвичка тут филиал Антарктиды устроила.

Повесив трубку, Шатров подошел к окну, вытащил из кармана куртки рулон уплотнительной ленты — откуда он только взялся у начальника СБ?! — и педантично, сантиметр за сантиметром, заклеил все щели в старинной арочной раме, полностью отсекая сквозняки с залива. Его огромные ладони двигались с хирургической точностью, выстраивая вокруг меня идеальную систему безопасности.

В комнате постепенно становилось тепло, уютно и... безопасно. Едкий запах извести из мансарды полностью выветрился, уступая место аромату горячего чабреца из его термоса, который он водрузил на мой прикроватный столик.

Макс подошел к моей кровати, остановился надо мной, скрестив руки на груди, и окинул мой укутанный силуэт своим тяжелым взглядом серых глаз.

— Ну вот, Леонова. Конвекция восстановлена, температурный режим приходит в норму, — тихо, со знакомой мужской хрипотой пробасил он. — Через двадцать минут приедет курьер, привезет лекарства из аптеки. Таблетки пить строго по часам, чертежи свои до завтрашнего

утра не трогать. Я проверил твой щиток в прихожей — автоматы там новые, нагрузку конвектора выдержат. Вопросы есть, ураган?

Я медленно высунула нос из-под пледа, глядя на него снизу вверх своими огромными глазами. Внутри меня больше не было злости. Только глухое, звенящее и безумно сладкое чувство благодарности к этому суровому человеку в белой рубашке с погонами, который так бесцеремонно ворвался в моё личное пространство и перестроил его по своим правилам.

— Вопросов нет, капитан Шатров... — едва слышно прошептала я, и на моих губах появилась слабая, сонная улыбка. — Только... спасибо тебе. За пожарнадзор. И за тепло.

Макс замер. На долю секунды его суровое лицо дрогнуло, а в глубине серых глаз полыхнул знакомый, голодный и пугающе нежный огонь страсти, который он так усердно пытался скрыть под ведомственными инструкциями. Он медленно наклонился ко мне, его ладонь аккуратно, почти невесомо коснулась моих каштановых кудряшек на подушке, убирая их с моего лба.

— Спи, Леонова, — тихо, почти шепотом пророкотал он у самого моего уха, обжигая кожу своим горячим дыханием. — Набирайся сил. Твоя питерская зимовка под моим контролем только начинается. И я обещаю: скучно тебе здесь точно не будет.

Он резко выпрямился, накинул китель на плечи и размашистым, уверенным шагом вышел из моей студии, тихо прикрыв за собой дверь. А я осталась лежать в теплой, пахнущей чабрецом и кедром комнате.

Глава 17. Соперник (Макс)

Дежурная сводка по Выборгскому и Васильевскому районам в среду утром была чистой, как простыни в ведомственном санатории. Никаких крупных ЧП, никаких прорывов магистральных теплосетей, полная, контролируемая идиллия вверенных мне секторов. Но на душе скребли кошки, причем делали они это методично, педантично и строго по уставу.

Я сидел в штабном внедорожнике, припаркованном у чугунной арки на шестой линии, и глухо, утробно матерился сквозь зубы, не торопясь глушить мощный двигатель. На приборной панели тускло светился дисплей рации, а в воздухе салона, несмотря на два работающих угольных фильтра, упрямо, нагло и концентрированно продолжал стоять всё тот же земляничный шлейф.

Вчера вечером, когда я уезжал из её ледяной съемной студии, заклеив старинные арочные рамы уплотнительной лентой и спустив воздух из чугунных батарей, девчонка спала, уткнувшись носом в мой армейский термос с чабрецом. Маленькая, бледная, лихорадочно вздрагивающая под двумя шерстяными одеялами москвичка со сломанной стремянкой и выбитыми предохранителями разума. Она выглядела настолько хрупкой и беззащитной в своём огромном желтом худе, что у меня — капитана Шатрова с железной, бронированной выдержкой — внутри впервые за десять лет службы полыхнул такой пожар, который невозможно потушить ни одной ведомственной инструкцией.

Я проверил часы на запястье. Ровно одиннадцать часов утра. По всем расчетам и медицинским регламентам, Леонова-младшая должна была послушно лежать в постели, пить таблетки из аптеки и не отсвечивать в черте города как минимум до пятницы. Но кондитерская порода Леоновых, как я успел уяснить на примере Громова, СНИПы и медицинские запреты игнорировала на генетическом уровне. По данным лейтенанта Смирнова, который час назад отвозил на объект накладные по разгрузочной раме, на чердаке восемнадцатого века снова вовсю кипела строительная активность. Московский ураган вернулся на боевые дизайнерские позиции, даже не допив курс антибиотиков.

Я заглушил мотор, резко переключил передачу на паркинг, подхватил с сиденья инспекционную папку и тяжелый фонарь.

По крутой каменной лестнице доходного дома я поднимался размашистым, чеканным шагом, мысленно готовя для Лики Леоновой такое ведомственное предписание, от которого её «несущая гармония» должна была окончательно капитулировать перед СНИПами. Но стоило мне толкнуть тяжелую дубовую дверь мансарды и шагнуть внутрь, как все заготовленные должностные формулировки застряли у меня в горле едким серным спазмом.

В цеху... точнее, на строительной площадке будущей VIP-кофейни Аристархова царил образцовый, стерильный порядок. Вековой слой известковой пыли был полностью выметен, строительный мусор аккуратно упакован в плотные мешки в углу, а силовые кабели перфораторов были смотаны и проложены строго по штробам, как я и требовал вчера. Строители в чистых комбинезонах усердно монтировали мощную стальную раму из разгрузочного швеллера, укрепляя подгнившие деревянные перекрытия. Мои технические условия были выполнены идеально, до последнего миллиметра.

Но диспозиция в центре мансарды заставила мои пальцы сжать стальной корпус инспекционного фонаря до глухого хруста в суставах.

У огромного панорамного окна, прямо на широком деревянном подоконнике, были разложены огромные рулоны новых чертежей, веера цветных палеток и образцы дорогой итальянской ткани для обивки диванов. Возле них стояли двое.

Лица Леонова выглядела чертовски, пугающе хорошо для человека, у которого вчера вечером температура зашкаливала под тридцать девять. Никаких следов лихорадки. Её дикие

каштановые кудри были безупречно уложены и перехвачены тонкой изумрудной лентой, карие огромные глаза блестели то ли от адреналина, то ли от творческого азарта, а на щеках играл естественный, яркий румянец. На ней были узкие кожаные брюки, подчеркивающие каждый изгиб её стройных ног, и облегающий белый кашемировый джемпер, который открывал вид на её хрупкие ключицы.

А прямо перед ней, сократив официальную дистанцию до каких-то жалких, греховных пятнадцати сантиметров, стоял лощеный, холеный мужчина лет тридцати в безупречном дизайнерском пиджаке винного цвета, дорогих часах и с уложенной воском прической. Настоящий столичный хлыщ. Судя по всему, тот самый топовый пиар-директор и бренд-менеджер сети «Шоко-Латте» Кристиан, про которого Громов говорил, что Аристархов привёз его из Москвы для раскрутки питерской галереи.

Этот Кристиан стоял непозволительно, нагло близко к моей москвичке. Его рука в дорогом перстне лениво, собственническим жестом покоилась прямо на рулоне её чертежей, а пальцы то и дело «случайно» соскальзывали, касаясь её маленькой руки с пудровым маникюром.

— Лика, дорогая, это просто экстаз визуального восприятия! Твоя идея с барочной консолью у панорамного окна на Васильевском — это чистый кутюр! — приторным, манерным баритоном вовсю рассыпался хлыщ, заглядывая ей прямо в глаза и обдавая её волной парфюма, в котором скуки точно не было. Была сплошная, неприкрытая мужская охота. — Аристархов в восторге от твоей смелости. Знаешь, послезавтра в закрытом клубе на Крестовском будет закрытый ужин для инвесторов из столицы. Я хочу, чтобы ты пошла со мной. В качестве моего главного дизайнера и... личной музы этого проекта. Что скажешь, Ликочка?

Он наклонился к ней еще ближе, поправляя выбившийся каштановый локон у её уха — ровно там, где вчера я стирал известковый мазок своей ладонью.

Внутри меня в эту секунду со страшным, термоядерным грохотом сорвало все мыслимые и немыслимые стоп-краны Службы безопасности. Режим «тотального Отелло специального назначения» включился на максимальную, убойную мощность за долю секунды. Атмосфера в заброшенной мансарде раскалилась до такой температуры, что, казалось, сейчас со свистом вылетят все новые автоматы в распределительном щитке, которые мои электрики проверяли вчера. В глазах потемнело до цвета антрацитового дыма.

Глава 18 Макс

Я сделал три размашистых, тяжелых шага вперед. Мои массивные форменные ботинки со стуком опустились на дощатый пол, заставив строителей в углу инстинктивно вжать головы в плечи и замереть по стойке «смирно».

— Добрый день, граждане дизайнеры и залётные птицы, — ледяным, вибрирующим басом пророкотал я, проходя к подоконнику и со зловещим металлическим стуком водружая свой тяжелый инспекционный фонарь прямо поверх холеной руки Кристиана. Металл ударил по дереву, заставив рулоны чертежей жалобно шуршать. — Начальник Службы безопасности пожарнадзора округа, капитан Шатров. Провожу повторный осмотр аварийного объекта на предмет соблюдения правил организации рабочего пространства и... личной безопасности авторов проекта в нерабочее время. Вижу, у вас тут... продолжаются очень жаркие и не регламентированные уставом переговоры.

Кристиан вздрогнул, резко отдернул свою руку из-под моего фонаря и повернулся ко мне. Его безупречно уложенная прическа чуть перекосилась от неожиданности, а в холеных глазах столичного хлыща на секунду проступил чистый, первозданный страх перед двухметровым, необъятным офицером МЧС. Контраст между его винным пиджаком и моей brutальной, пороховой силой ведомственной структуры был пугающим.

— Капитан... Шатров? — Кристиан попытался вернуть лицу маску светского превосходства, поправляя лацканы пиджака и высокомерно глядя на меня снизу вверх. Получалось плохо, парень едва доставал мне до плеча. — Не знал, что Служба безопасности пожарнадзора контролирует личные приглашения на ужины. Похвальное, но излишнее рвение со стороны МЧС. Мы здесь занимаемся искусством интерьера для сети «Шоко-Латте», если вы не заметили. У нас всё согласовано с господином Аристарховым.

— Я проверяю исключительно уровень взрывоопасности на вверенных мне объектах, — я сделал еще один шаг вперед, буквально нависая над манерным пиарщиком всей своей массой и оттесняя его от подоконника. Между моим лицом и его уложенной воском физиономией осталось сантиметров десять, и от меня сейчас пахло такой первобытной, чистой мужской агрессией, что парень инстинктивно сделал шаг назад, упираясь спиной в кирпичную кладку. — А некоторые объекты требуют повышенного, круглосуточного контроля. Особо упрямые московские ураганы, например. Которые любят путать деловой авторский надзор с личными визитами в закрытые клубы Крестовского острова. Документы на согласование разгрузочной рамы — мне на стол. А гражданина пиар-директора я больше не задерживаю. Ваша официальная миссия на этом объекте окончена. Свободны. Время пошло.

Лица при моем появлении замерла у подоконника со вдохом на полпути. Её карие огромные глаза округлились от шока, а на щеках мгновенно вспыхнул такой яростный, термоядерный румянец злости и смущения, перед которым померк бы любой барочный лофт. Но стоило мне выставить Кристиана за дверь, как её московский гонор и наглость вернулись на боевые позиции со скоростью лесного пожара.

— Шатров! Ты... ты что сейчас устроил, капитан?! — взвизгнула она, в ярости швыряя палетку красок на подоконник и делая шаг ко мне, упрямо утыкаясь носом в мою грудную клетку. От неё снова лавиной ударил этот чертов земляничный аромат, выбивая из моей головы последние остатки ведомственных регламентов. — Какой еще «плановый осмотр»?! Какой «круглосуточный контроль»?! Ты зачем Кристиана из моего цеха выставил?! Он мой главный заказчик по пиар-линии! Он меня в клуб звал, как женщину и профессионала! Ты сошел с ума, СБ округа?! Кто ты мне такой, чтобы устраивать здесь сцены ревности на глазах у моих строителей?! Между нами дистанция, Шатров! Дистанция!

— Да мне плевать на твою дистанцию, Леонова! И на твоего Кристиана в винном пиджаке мне тоже плевать! — рявкнул я, и мой низкий, вибрирующий бас эхом раскатился по огромной мансарде, заставив рабочих в углу пулей вылететь в коридор и закрыть за собой дверь от греха подальше. Мы остались одни посреди строительного хаоса. — Я вчера твой ледник на Васильевском кочегарил три часа, окна заклеивал и лекарства тебе доставал, чтобы ты банально не подхватила воспаление легких! Чтобы ты лежала в теплой постели и дышала через ингалятор! А ты сегодня в одиннадцать утра уже скачешь по объекту в кожаных брюках, лапаешь чертежи с этим столичным хлыщом и соглашаешься на его загородные свидания?! Ты ради этого свою независимость выстраивала, Лика?! Чтобы крутить романы с пиарщиками прямо под разгрузочными швеллерами?!

— Он меня не лапал! Он поправлял мне локон! — Лика подалась вперед, её маленькие ладони со всей силы уперлись в грудь моей форменной куртки, и я отчетливо почувствовал, как её пальцы судорожно смяли жесткий брезент МЧС. Под моими руками перекачивалось её бешеное, быстрое и рваное дыхание, а сердце девчонки колотилось в груди со скоростью неисправного тестомеса. — И моё личное время, капитан Шатров, тебя вообще волновать не должно! Кто ты мне такой?! Спасатель по вызову?! Зачем ты лезешь в мою жизнь?!

— А ты сама еще не поняла, кто я для тебя, ураган?! — в ярости выкрикнул я, полностью теряя контроль над своим хваленым, многолетним пожнадзором.

Мои огромные, жесткие ладони мертвой хваткой вцепились в её хрупкие плечи под белым кашемировым джемпером. Одним мощным, яростным движением я притянул её тело к себе вплотную, сменяя её независимость и заставляя её карие огромные глаза испуганно и сладко расшириться. Напряжение между нами в этой пустой, залитой солнцем мансарде достигло той самой критической, греховной отметки, когда все автоматы защиты вылетают со свистом, а все пакты, правила и ведомственные СНиПы рушатся к чертям за одну секунду. И на этот раз нас никакой Кристиан и никакая дистанция спасти уже не могли.

Я медленно, тяжело дыша, опустил голову, сокращая расстояние между нашими губами до какого-то ничтожного миллиметра. Лика замерла, её пальцы на моей груди мертвой хваткой вцепились в воротник моей рубашки, а её припухшие губы приоткрылись в немом, сумасшедшем ожидании. Воздух в мансарде раскалился до температуры плавления металла. До детонации оставалась одна секунда...

Но я не был бы капитаном Шатровым, если бы не умел гасить даже самые страшные, неконтролируемые пожары разума.

Я сделал резкий, глубокий вдох сквозь зубы, силой воли заставляя свои стальные предохранители заклинить намертво. Поцеловать её сейчас, посреди этой строительной извести, когда она брызжет своей московской яростью — означало расписаться в собственной слабости. Показать, что этот земляничный ураган взломал мою службу безопасности с первой попытки. Ну уж нет.

И в этот самый звенящий, невыносимый момент, когда наши дыхания продолжали обжигать друг друга, мобильный телефон Лики на подоконнике судорожно, оглушительно завибрировал. На экране высветилось имя: *«Аркадий Аристархов»*.

Звук подействовал как ушат ледяной питерской воды. Лика вздрогнула, словно от удара током, и я медленно, с явным физическим усилием разжал свои пальцы на её плечах, отступая на два шага назад к выходу. Провел ладонью по лицу, возвращая себе маску ледяного, равнодушного сухаря, хотя внутри всё продолжало полыхать антрацитовым дымом.

— Трубку возьми, Леонова, — глухо, с пугающей хрипотой пробасил я, подхватывая со стола свою инспекционную папку и фонарь. — Заказчик не любит ждать. Чертежи твои я проверил — швеллеры монтировать строго по разметке. Вечером приеду проверять лично. И если твой Кристиан в винном пиджаке снова будет лапать мои... В общем, я закрою этот лофт навсегда. Свободна, ураган.

Я круто развернулся на пятках и размашистым, чеканным шагом вышел из мансарды, оставив её стоять у подоконника с вибрирующим телефоном в дрожащих руках.

Глава 19. Земляничный саботаж (Лика)

Когда дверь за массивной спиной капитана Шатрова захлопнулась с таким грохотом, что со стены чуть не слетел малярный уровень, я еще добрых две минуты стояла у подоконника, не в силах сделать нормальный, полноценный вдох. Мобильный телефон в моей руке продолжал судорожно, настойчиво вибрировать, высвечивая имя Аркадия Аристархова, но я тупо гипнотизировала экран, чувствуя, как по венам до сих пор циркулирует чистый, концентрированный адреналин.

Губы горели так, словно я реально побывала в эпицентре Выборгского пожара. На расстоянии этого чертова, греховного миллиметра от его лица я напрочь позабыла про всю свою независимость, про авторский надзор и про то, что этот невыносимый сухарь только что выставил из моей мансарды Кристиана! Каков наглец, а? «Если твой Кристиан снова будет лапать — я закрою этот лофт навсегда»! Да он... да он просто педантичный, ревнивый солдафон с манией тотального контроля!

Я судорожно смахнула пальцем экран, силой воли возвращая голосу тональность уверенного в себе столичного дизайнера.

— Да, Аркадий Николаевич, добрый день, — выдохнула я, упрямо поворачиваясь спиной к двери, чтобы строители, которые уже осторожно заглядывали в цех, не видели моих пылающих щек. — Швеллеры монтируем строго по осям, рама в процессе установки. Всё под контролем.

— Отлично, Лика Владимировна, — раздался в трубке ледяной, безупречный баритон кофейного короля. — Наш пиар-директор Кристиан только что звонил мне, весьма лестно отзывался о вашей концепции, но упомянул, что у Службы безопасности возникли новые, критические претензии к биокамину. Капитан Шатров непреклонен.

Я мысленно пообещала себе подсыпать этому капризному капитану слабительного в его идеальный утренний эспрессо.

— У Шатрова паранойя пожарнадзора, Аркадий Николаевич. Биокамин абсолютно безопасен.

— И тем не менее, рисковать открытием я не намерен, — отрезал Аристархов, и в его голосе послышался сухой шелест бумаг. — Мои юристы нашли компромисс. Финский производитель выпускает специальные изолирующие защитные экраны из трехслойного титанового термостекла. Если мы установим его, Шатров обязан будет закрыть предписание по биокамину. Но есть проблема. Поскольку наше здание — исторический памятник, технадзор не разрешит монтаж этого импортного оборудования, пока Служба безопасности пожарнадзора не выдаст официальное экспертное заключение соответствия противопожарным нормам. Все сертификаты и образцы документов сейчас лежат на Партизанской. Чтобы груз разрешили завезти на Васильевский остров, вам необходимо лично поехать в Управление и подписать у Шатрова эту международную экологическую накладную техрегламента. Без его личного штампа экспертного соответствия нам просто заблокируют стройку. Сделайте это сегодня, Лика. Документы у вас на почте.

Я медленно опустила телефон, чувствуя, как внутри меня начинает закипать новая, термоядерная волна дизайнерского протеста. Это что, шутка?! Судьба упрямо, со злодейским хохотом продолжала сталкивать меня лбом с этим невыносимым МЧСником на его же территории! Мне нужно было добровольно явиться в его ведомственное логово на Партизанской, подняться в его стерильный кабинет и покорно просить поставить синюю печать? Ну уж нет. Покорно я ничего делать не буду. Если капитан Шатров объявил мне войну, то я устрою ему такую партизанскую диверсию на его личном плацу, от которой у него все СНИПы наизнанку вывернутся.

Я решительно свернула чертежи в тубус, закинула на плечо сумку и направилась к выходу. Но стоило мне спуститься во двор и сесть в такси, как мой телефон снова оживил салон бодрой мелодией. На экране сияло: «Влада (Сестра)».

— Лика! Ты живая?! — вместо приветствия заорала сестра мне в ухо так громко, что водитель такси испуганно вжал голову в плечи. — Нам тут Глеб со смены звонил, у него рация на всю кухню хрипит! Он со смешком спросил, почему в СБ округа объявлен план «Перехват земляничного урагана»! Лика, что у вас там происходит с Шатровским пожарнадзором?! Глеб говорит, Макс после вчерашнего твоего визита в Управление три пачки сигарет выкурил и ходит по части злой, как заведенная мина! Вы что, опять подрались?!

— Твой Шатров — это не мужик, Влада, это ходячий ведомственный циркуляр! — взвизгнула я в трубку, ожесточенно жестикулируя свободной рукой. — Он мне стремянку сломал! Объект опечатал! А сегодня приперся в мою мансарду и выставил оттуда Кристиана, заявив, что у него тут плановая инспекция личной безопасности авторов проекта! Он сует свой нос в мои чертежи, в мои сроки, в мою жизнь!

На том конце провода воцарилась подозрительная, звенящая тишина. А затем Влада... вместо того, чтобы поддержать родную сестру, тихо, сочно и чертовски понимающе рассмеялась.

— Ой, Лика... Лика, держите меня семеро, — сквозь смех выдавила она. — Макс Шатров — самый холодный, маниакально контролирующий сухарь во всем Главном управлении. У него даже носки в комод по ГОСТу разложены. Если этот гранитный монумент сорвал стоп-кран, примчался к тебе на Васильевский и выкинул оттуда пиарщика... То поздравляю. Ты его окончательно доконала своими кудрями. Между прочим, Глеб сказал, что Макс вчера весь вечер у Смирнова выяснял, где в Питере можно срочно достать лучший тепловой конвектор для старого жилого фонда... Это он для тебя старался, ураган?

Я почувствовала, как лицо стремительно, густо заливают пылающий румянец.

— Он... он просто проверял систему отопления в рамках регламента! Всё, Влада, пока, мне некогда, я еду на Партизанскую устраивать Службе безопасности экологический капкан!

Я сбросила вызов, сердито уткнувшись взглядом в окно. Тепловой конвектор он искал, надо же. Заботу он тут ведомственную включает. Ну ничего, капитан Шатров. Сейчас твоя служба безопасности пройдет проверку на прочность по высшему разряду сложности.

Глава 20

В Управление СБ МЧС на Партизанской я приехала около двух часов дня.

Я плавной, летящей походкой на своих головокружительных шпильках поднялась на третий этаж служебного корпуса. В длинном, прохладном коридоре СБ, пахнущем краской и дисциплиной, было пусто. Все лейтенанты, судя по всему, попрятались по кабинетам от греха подальше.

Массивная дубовая дверь кабинета Шатрова была приоткрыта на пару сантиметров. Я аккуратно заглянула в щель. Кабинет был пуст. Сам капитан, по-видимому, ушел на очередной бесконечный селектор к генералам, оставив свое стерильное ведомственное логово без присмотра. На его огромном полированном дубовом столе царил всё тот же маниакальный, идеальный порядок: папки по линейке, органайзер справа под углом сорок пять градусов, чистый бланк рапорта по центру.

На губах у меня медленно поползла коварная, хищная и чисто женская улыбка. Время для маленькой, изощренной московской мести пришло.

Я бесшумно проскользнула в кабинет, прикрыв за собой дверь. Первым делом я вытащила из своей дизайнерской сумки флакон тех самых моих любимых духов с ароматом дикой земляники. Стянула колпачок и с криминальным восторгом сделала добрых десять мощных пшиков прямо в вентиляционную решетку его кондиционера, на его кожаное кресло, на шторы и лично на его педантично разложенные папки с актами проверок. Теперь его стерильный кабинет на ближайший месяц превратится в филиал земляничной поляны премиум-класса. Пусть задыхается своей дисциплиной под аккомпанемент моих духов.

Но на этом мой дизайнерский саботаж не закончился. Я подошла к его столу, хитро прищурившись. Подвинула его идеальный органайзер с ручками на целых пять сантиметров влево, нарушая весь его драгоценный угол в сорок пять градусов. Перевернула стопку папок вверх ногами, поменяла местами инспекционные листы и — вишенка на моем мстительном торте — вытащила из сумки веер своих цветных палеток красок. Я выбрала самую яркую, ядовитую карточку с цветом «кислотный неон» и аккуратно приклеила её прямо на центр его девственно чистого бланка рапорта, оставив сверху маленькую записку, написанную моим пудровым карандашом для глаз: *«Для улучшения визуального восприятия СНиПов. Перекрасьте кабинет, капитан, вам вредно жить в серости»*.

Я едва успела спрятать карандаш обратно в сумку, как в коридоре раздался мерный, тяжелый, до боли знакомый шаг, от звука которого у меня внутри всё мгновенно сжалось в тугий адреналиновый узел. Ботинки Шатрова опускались на пол с ведомственной неотвратимостью.

Секунда — и массивная дубовая дверь кабинета резко распахнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.